

Русские сказки о природе

Д. МАМИН- СИБИРЯК

A detailed illustration of a woodpecker, likely a Great Spotted Woodpecker, perched on a pine branch. The bird has a blue head, a white face with a black stripe through the eye, and a blue beak. Its body is white with blue and red markings. The background is dark green with scattered yellow and orange autumn leaves. The pine branch has blue-green needles.

РАССКАЗЫ
СТАРОГО ОХОТНИКА

Дмитрий Мамин-Сибиряк

РАССКАЗЫ СТАРОГО ОХОТНИКА

Художник
Виктор Бастрыкин

Издательство «ОЛИСС» и издательство «ЭКСМО»
Москва, 2009

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос-Рус)1-4
М22

Мамин-Сибиряк Д. Н.

М22   Рассказы старого охотника / Дмитрий Мамин-Сибиряк ;
ил. В. В. Бастрыкина. — М. : ОЛИСС, Эксмо, 2009. — 136 с. : ил. —
(Русские сказки о природе).

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос-Рус)1-4

ISBN 978-5-699-24809-4

© ООО «ОЛИСС», 2009

© ООО «Издательство «Эксмо», серийное оформление, 2009

СЕРАЯ ШЕЙКА

П ервый осенний холод, от которого пожелтела трава, привёл всех птиц в большую тревогу. Все начали готовиться в далёкий путь, и все имели такой серьёзный, озабоченный вид. Да, нелегко перелететь пространство в несколько тысяч вёрст... Сколько бедных птиц дорогой выбьются из сил, сколько погибнут от разных случайностей, — вообще было о чём серьёзно подумать.

Серьёзная большая птица, как лебеди, гуси и утки, собиралась в дорогу с важным видом, сознавая всю трудность предстоящего подвига; а более всех шумели, суетились и хлопотали маленькие птички, как кулички-песочники, кулички-плавунчики, чернозобики, черныши, зуйки. Они давно уж собирались стайками и переносились с одного берега на другой по отмелям и болотам с такой быстротой, точно кто бросил горсть гороху. У маленьких птичек была такая большая работа...

Лес стоял тёмный и молчаливый, потому что главные певцы улетели, не дожидаясь холода.

— И куда эта мелочь торопится! — ворчал старый Селезень, не любивший себя беспокоить. — В своё

время все улетим... Не понимаю, о чём тут беспокоиться.

— Ты всегда был лентяем, поэтому тебе и неприятно смотреть на чужие хлопоты, — объяснила его жена, старая Утка.

— Я был лентяем? Ты просто несправедлива ко мне, и больше ничего. Может быть, я побольше всех забочусь, а только не показываю вида. Толку от этого немного, если буду бегать с утра до ночи по берегу, кричать, мешать другим, надоедать всем.

Утка вообще была не совсем довольна своим супругом, а теперь окончательно рассердилась.

— Ты посмотри на других-то, лентяй! Вон наши соседи, гуси или лебеди, — любо на них посмотреть. Живут душа в душу... Небось, лебедь или гусь не бросит своего гнезда и всегда впереди выводка. Да, да... А тебе до детей и дела нет. Только и думаешь о себе, чтобы набить зоб. Лентяй, одним словом... Смотреть-то на тебя даже противно!

— Не ворчи, старуха!.. Ведь я ничего не говорю, что у тебя такой неприятный характер. У всякого есть свои недостатки... Я не виноват, что гусь — глупая птица и поэтому нянчится со своим выводком. Вообще моё правило — не вмешиваться в чужие дела. Зачем? Пусть всякий живёт по-своему.

Селезень любил серьёзные рассуждения, причём оказывалось как-то так, что именно он, Селезень,

всегда прав, всегда умён и всегда лучше всех. Утка давно к этому привыкла, а сейчас волновалась по совершенно особенному случаю.

— Какой ты отец? — накинулась она на мужа. — Отцы заботятся о детях, а тебе — хоть трава не расти!..

— Ты это о Серой Шейке говоришь? Что же я могу поделать, если она не может летать? Я не виноват...

Серой Шейкой они называли свою калеку-дочь, у которой было переломлено крыло ещё весной, когда подкралась к выводку Лиса и схватила утёнка. Старая Утка смело бросилась на врага и отбила

утёнка; но одно крылышко оказалось сломанным.

— Даже и подумать страшно, как мы покинем здесь Серую Шейку одну, — повторяла Утка со слезами. — Все улетят, а она останется одна-одинёшенька. Да, совсем одна... Мы улетим на юг, в тепло, а она, бедняжка, здесь будет мёрзнуть... Ведь она наша дочь, и как я её люблю, мою Серую Шейку! Знаешь, старик, останусь-ка я с ней зимовать здесь вместе...

— А другие дети?

— Те здоровы, обойдутся и без меня.

Селезень всегда старался замять разговор, когда речь заходила о Серой Шейке. Конечно, он тоже любил её, но зачем же напрасно тревожить себя? Ну, останется, ну, замёрзнет, — жаль, конечно, а всё-таки ничего не поделаешь. Наконец, нужно подумать и о других детях. Жена вечно волнуется, а нужно смотреть на вещи серьёзно. Селезень про себя жалел жену, но не понимал в полной мере её материнского горя. Уж лучше было бы, если бы тогда Лиса совсем съела Серую Шейку, — ведь всё равно она должна погибнуть зимою.

Старая Утка ввиду близившейся разлуки относилась к дочери-калеке с удвоенной нежностью. Бедняжка ещё не знала, что такое разлука и одиночество, и смотрела на сборы других в дорогу с любопытством новичка. Правда, ей иногда делалось завидно, что её братья и сёстры так весело собираются к отлёту, что они будут опять где-то там, далеко-далеко, где не бывает зимы.

— Ведь вы весной вернётесь? — спрашивала Серая Шейка у матери.

— Да, да, вернёмся, моя дорогая... И опять будем жить все вместе.

Для утешения начинавшей задумываться Серой Шейки мать рассказала ей несколько таких же случаев, когда утки оставались на зиму. Она была лично знакома с двумя такими парами.

— Как-нибудь, милая, пробыёшься, — успокаивала старая Утка. — Сначала поскучаешь, а потом привыкнешь. Если бы можно было тебя перенести на тёплый ключ, что и зимой не замерзает, — совсем было бы хорошо. Это недалеко отсюда... Впрочем, что же и говорить-то попусту, всё равно нам не перенести тебя туда!

— Я буду всё время думать о вас... — повторяла бедная Серая Шейка. — Всё буду думать: где вы, что

вы делаете, весело ли вам? Всё равно и будет, точно и я с вами вместе.

Старой Утке нужно было собрать все силы, чтобы не выдать своего отчаяния. Она старалась казаться весёлой и плакала потихоньку ото всех. Ах, как ей было жаль милой, бедненькой Серой Шейки... Других детей она теперь почти не замечала и не обращала на них внимания, и ей казалось, что она даже совсем их не любит.

А как быстро летело время... Был уже целый ряд холодных утреников, а от инея пожелтели берёзки и покраснели осины. Вода в реке потемнела, и сама река казалась больше, потому что берега оголели, —

береговая поросль быстро теряла листву. Холодный осенний ветер обрывал засыхавшие листья и уносил их. Небо часто покрывалось тяжёлыми осенними облаками, ронявшими мелкий осенний дождь. Вообще хорошего было мало, и который день уже неслись мимо стаи перелётной птицы... Первыми тронулись болотные птицы, потому что болота уже начинали замерзать. Дольше всех оставались водоплавающие. Серую Шейку больше всего огорчал перелёт журавлей, потому что они так жалобно курлыкали, точно звали её с собой. У неё ещё в первый раз сжалось сердце от какого-то тайного предчувствия, и она долго провожала глазами уносившуюся в небе журавлиную стаю.

«Как им, должно быть, хорошо», — думала Серая Шейка.

Лебеди, гуси и утки тоже начинали готовиться к отлёту. Отдельные гнёзда соединялись в большие

стаи. Старые и бывалые птицы учили молодых. Каждое утро эта молодёжь с весёлым криком делала большие прогулки, чтобы укрепить крылья для далёкого перелёта. Умные вожаки сначала обучали отдельные партии, а по-

том всех вместе. Сколько было крика, молодого веселья и радости...

Одна Серая Шейка не могла принимать участия в этих прогулках и любовалась ими только издали. Что делать, приходилось мириться со своей судьбой. Зато как она плавала, как ныряла! Вода для неё составляла всё.

— Нужно отправляться... пора! — говорили старики вожаки. — Что нам здесь ждать?

А время летело, быстро летело... Наступил и роковой день. Вся стая сбилась в одну живую кучу на реке. Это было ранним осенним утром, когда вода ещё была покрыта густым туманом. Утиный косяк сбился из трёхсот штук. Слышно было только кряканье главных вожаков. Старая Утка не спала всю ночь, — это была последняя ночь, которую она проводила вместе с Серой Шейкой.

— Ты держись вон около того берега, где в реку сбегает ключик, — советовала она. — Там вода не замёрзнет целую зиму...

Серая Шейка держалась в стороне от косяка, как чужая... Да, все были так заняты общим отлётом, что на неё никто не обращал внимания. У старой Утки изболелось всё сердце, глядя на бедную Серую Шейку. Несколько раз она решала про себя, что останется; но как останешься, когда есть другие дети и нужно лететь вместе с косяком?..

— Ну, трогай! — громко скомандовал главный вожак, и стая поднялась разом вверх.

Серая Шейка осталась на реке одна и долго провожала глазами улетающий косяк. Сначала все летели одной живой кучей, а потом вытянулись в правильный треугольник и скрылись.

«Неужели я совсем одна? — думала Серая Шейка, заливаясь слезами. — Лучше бы было, если бы тогда Лиса меня съела...»

Река, на которой осталась Серая Шейка, весело катилась в горах, покрытых густым лесом. Место было глухое, и никакого жилья кругом. По утрам вода у берегов начинала замерзать, а днём тонкий, как стекло, лёд таял.

«Неужели вся река замёрзнет?» — думала Серая Шейка с ужасом.

Скучно ей было одной, и она всё думала про своих улетевших братьев и сестёр. Где-то они сейчас? Благополучно ли долетели? Вспоминают ли про неё? Времени было достаточно, чтобы подумать обо всём. Узнала она и одиночество. Река была пуста, и жизнь сохранялась только в лесу, где посвистывали рябчики, прыгали белки и зайцы. Раз со скуки Серая Шейка забралась в лес и страшно перепугалась, когда из-под куста кубарем вылетел Заяц.

— Ах, как ты меня напугала, глупая! — проговорил Заяц, немного успокоившись. — Душа в пятки ушла... И зачем ты толчешься здесь? Ведь все утки давно улетели...

— Я не могу летать: Лиса мне крылышко перекусила, когда я ещё была совсем маленькой...

— Уж эта мне Лиса!.. Нет хуже зверя. Она и до меня давно

добирается... Ты берегись её, особенно когда река покрывается льдом. Как раз сцапает...

Они познакомились. Заяц был такой же беззащитный, как и Серая Шейка, и спасал свою жизнь постоянным бегством.

— Если бы мне крылья, как птице, так я бы, кажется, никого на свете не боялся!.. У тебя вот хоть и крыльев нет, так зато ты плавать умеешь, а не то возьмишь и нырнешь в воду, — говорил он. — А я постоянно дрожу со страху... У меня — кругом враги. Летом ещё можно спрятаться куда-нибудь, а зимой всё видно.

Скоро выпал и первый снег, а река всё ещё не поддавалась холоду. Всё, что замерзало по ночам, вода разбивала. Борьба шла не на живот, а на смерть. Всего опаснее были ясные, звёздные ночи, когда всё затихало и на реке не было волн. Река точно засыпала, и холод старался сковать её льдом сонную. Так и случилось. Была тихая-тихая звёздная ночь. Тихо стоял тёмный лес на берегу, точно стража из великанов. Горы казались выше, как это бывает ночью. Высокий месяц обливал всё своим трепетным искрившимся светом. Бурлившая днём горная река присмирела, и к ней тихо-тихо подкрался холод, крепко-крепко обнял гордую, непокорную красавицу и точно прикрыл её зеркальным стеклом. Серая Шейка была в отчаянии, потому что не замёрзла

только самая середина реки, где образовалась широкая полынья. Свободного места, где можно было плавать, оставалось не больше пятнадцати сажен. Огорчение Серой Шейки дошло до последней степени, когда на берегу показалась Лиса, — это была та самая Лиса, которая переломила ей крыло.

— А, старая знакомая, здравствуй! — ласково проговорила Лиса, останавливаясь на берегу. — Давненько не видались... Поздравляю с зимой.

— Уходи, пожалуйста, я совсем не хочу с тобой разговаривать, — ответила Серая Шейка.

— Это за мою-то ласку! Хороша же ты, нечего сказать!.. А впрочем, про меня много лишнего говорят. Сами наделают что-нибудь, а потом на меня и свалят... Пока — до свиданья!

Когда Лиса убралась, приковылял Заяц и сказал: — Берегись, Серая Шейка: она опять придёт.

И Серая Шейка тоже начала бояться, как боялся Заяц. Бедная даже не могла любоваться творившимися кругом неё чудесами. Наступила уже настоящая зима. Земля была покрыта белоснежным ковром. Не оставалось ни одного тёмного пятнышка. Даже голые берёзы, ольхи, ивы и рябины убрались инеем, точно серебристым пухом. А ели сделались ещё важнее. Они стояли засыпанные снегом, как будто надели дорогую тёплую шубу. Да, чудно, хорошо было кругом; а бедная Серая Шейка знала толь-

ко одно, что эта красота не для неё, и трепетала при одной мысли, что её полынья вот-вот замёрзнет и ей некуда будет деться. Лиса действительно пришла через несколько дней, села на берегу и опять заговорила:

— Соскучилась я по тебе, уточка... Выходи сюда; а не хочешь, так я сама к тебе приду. Я не спесива...

И Лиса принялась ползти осторожно по льду к самой полынье. У Серой Шейки замерло сердце. Но Лиса не могла подобраться к самой воде, потому что там лёд был ещё очень тонок. Она положила голову на передние лапки, облизнулась и проговорила:

— Какая ты глупая, уточка... Вылезай на лёд! А впрочем, до свиданья! Я тороплюсь по своим делам...

Лиса начала приходить каждый день — проведать, не застыла ли полынья. Наступившие морозы делали своё дело. От большой полыньи оставалось всего одно окно

в сажень величиной. Лёд был крепкий, и Лиса сидела на самом краю. Бедная Серая Шейка со страху ныряла в воду, и Лиса сидела и зло подсмеивалась над ней:

— Ничего, ныряй, а я тебя всё равно съем... Выходи лучше сама.

Заяц видел с берега, что проделывала Лиса, и возмущался всем своим заячьим сердцем:

— Ах, какая бессовестная эта Лиса!.. Какая несчастная эта Серая Шейка! Съест её Лиса...

IV

По всей вероятности, Лиса и съела бы Серую Шейку, когда полынья замёрзла бы совсем, но случилось иначе. Заяц всё видел своими собственными косями глазами.

Дело было утром. Заяц выскочил из своего логовища покормиться и поиграть с другими зайцами. Мороз был здоровый, и зайцы грелись, поколачивая лапку о лапку. Хотя и холодно, а всё-таки весело.

— Братцы, берегитесь! — крикнул кто-то.

Действительно, опасность была на носу. На опушке леса стоял сгорбленный старичок-охотник, который подкрался на лыжах совершенно неслышно и высматривал, которого бы зайца застрелить.

«Эх, тёплая старухе шуба будет», — соображал он, выбирая самого крупного зайца.

Он даже прицелился из ружья, но зайцы его заметили и кинулись в лес, как сумасшедшие.

— Ах, лукавцы! — рассердился старичок. — Вот ужо я вас... Того не понимают, глупые, что нельзя старухе без шубы. Не мёрзнуть же ей... А вы Акинтича не обманете, сколько ни бегайте. Акинтич-то похитрее будет... А старуха Акинтичу вон как наказывала: «Ты смотри, старик, без шубы не приходи!» А вы сигать...

Старичок пустился разыскивать зайцев по следам, но зайцы рассыпались по лесу, как горох. Ста-

ричок порядком измучился, обругал лукавых зайцев и присел на берегу реки отдохнуть.

— Эх, старуха, старуха, убежала наша шуба! — думал он вслух. — Ну, вот отдохну и пойду искать другую...

Сидит старичок, горюет, а тут, глядь, Лиса по реке ползёт, — так и ползёт, точно кошка.

— Ге, ге, вот так штука! — обрадовался старичок. — К старухиной-то шубе воротник сам ползёт... Видно, пить захотела, а то, может, и рыбки вздумала половить...

Лиса действительно подползла к самой полынье, в которой плавала Серая Шейка, и улеглась на льду. Стариковские глаза видели плохо и из-за лисы не замечали утки.

«Надо так её застрелить, чтобы воротника не испортить, — соображал старик, прицеливаясь в Лису. — А то вот как старуха будет браниться, если воротник-то в дырках окажется... Тоже своя сноровка везде надобна, а без снасти и клопа не убьёшь».

Старичок долго прицеливался, выбирая место в будущем воротнике. Наконец грянул выстрел. Сквозь дым от выстрела охотник видел, как что-то метнулось на льду, — и со всех ног кинулся к полынье; по дороге он два раза упал, а когда добежал до полыни, то только развёл руками, — воротника как не бывало, а в полынье плавала одна перепуганная Серая Шейка.

— Вот так штука! — ахнул старичок, разводя руками. — В первый раз вижу, как Лиса в утку обратилась. Ну и хитёр зверь.

— Дедушка, Лиса убежала, — объяснила Серая Шейка.

— Убежала? Вот тебе, старуха, и воротник к шубе... Что же я теперь буду делать, а? Ну и грех вышел... А ты, глупая, зачем тут плаваешь?

— А я, дедушка, не могла улететь вместе с другими, у меня одно крылышко попорчено...

— Ах, глупая, глупая... Да ведь ты замёрзнешь тут или Лиса тебя съест! Да...

Старичок подумал-подумал, покачал головой и решил:

— А мы вот что с тобой сделаем: я тебя внучкам унесу. Вот-то обрадуются... А весной ты старухе яичек нанесёшь да утятков выведешь. Так я говорю? Вот то-то, глупая...

Старичок добыл Серую Шейку из полыни и положил за пазуху. «А старухе я ничего не скажу, — со-

ображал он, направляясь домой. — Пусть её шуба с воротником вместе ещё погуляет в лесу. Главное: внучки вот как обрадуются...»

Зайцы всё это видели и весело смеялись. Ничего, старуха и без шубы на печке не замёрзнет.

ЛЕСНАЯ СКАЗКА

У

1

реки, в дремучем лесу, в один прекрасный зимний день остановилась толпа мужиков, приехавших на сани. Подрядчик обошёл весь участок и сказал:

— Вот здесь рубите, братцы... Ельник отличный. Лет по сту каждому дереву будет...

Он взял топор и постучал обухом по стволу ближайшей ели. Великолепное дерево точно застонало, а с мохнатых зелёных ветвей покатались комья пушистого снега. Где-то в вершине мелькнула белка, с любопытством глядевшая на необыкновенных гостей; а громкое эхо прокатилось по всему лесу, точно разом заговорили все эти зелёные великаны, занесённые снегом. Эхо замерло далёким шёпотом, будто деревья спрашивали друг друга: кто это приехал? Зачем?..

— Ну а вот эта старушка никуда не годится... — прибавил подрядчик, постукивая обухом стоящую ель с громадным дуплом. — Она наполовину гнилая.

— Эй ты, невежа, — крикнула сверху Белка. — Как ты смеешь стучать в мой дом? Ты приехал только сейчас, а я прожила в дупле этой самой ели целых пять лет.

Она щёлкнула зубами, распушила хвост и так зашипела, что даже самой сделалось страшно. А невежа-подрядчик не обратил на неё никакого внимания и продолжал указывать рабочим, где следовало начать порубку, куда складывать дрова и хворост.

Что было потом, трудно даже рассказать. Никакое перо не опишет того ужаса, который совершился в каких-нибудь две недели. Сто лет рос этот дремучий ельник, и его не стало в несколько дней. Люди рубили громадные деревья и не замечали, как из свежих ран сочились слёзы: они принимали их за обыкновенную смолу. Нет, деревья плакали безмолвными слезами, как люди, когда их придавит слиш-

ком большое горе. А с каким стоном падали подрубленные деревья, как жалобно они трещали! Некоторые даже сопротивлялись, не желая поддаваться ничтожному человеку: они хватались ветвями за соседние деревья во время своего падения. Но всё было напрасно: и слёзы, и стоны, и сопротивление. Тысячи деревьев лежали мёртвыми, как на поле сражения, а топор всё продолжал своё дело. Деревья-трупы очищались от хвои, затем оголённые стволы разрубались на равные части и складывались правильными рядами в поленницы дров. Да, самые обыкновенные поленницы, которые мы можем видеть везде, но не всегда думаем, сколько живых деревьев изрублено в такую поленницу и сколько нужно было долгих-долгих лет, чтобы такие деревья выросли.

Уцелела одна старая ель с дуплом, в котором жила старая Белка с своей семьёй. Под этой елью рабочие устроили себе балаган и спали

в нём. Целые дни перед балаганом горел громадный костёр, лизавший широким огненным языком нижние ветки развесистого дерева. Зелёная хвоя делалась красной, тлела, а потом оставались одни обгоревшие сучья, топорщившиеся, как пальцы. Старая Белка была возмущена до глубины души этим варварством и громко говорила:

— Для чего всё это сделано?.. Кому мешал красавец лес? Противные люди! Нарочно придумали железные топоры, чтобы рубить ими деревья... Кому это нужно, чтобы вместо живого, зелёного леса стояли какие-то безобразные поленницы? Не правда ли, старушка Ель?

— Я ничего не знаю и ничего не понимаю, — грустно ответила Ель, вздрагивая от ужаса. — Моё горе настолько велико, что я не могу даже подумать о случившемся... Лучше было погибнуть и мне вместе с другими, чтобы не видеть всего, что происходило у меня на глазах. Ведь все

эти срубленные деревья — мои дети. Я радовалась, когда они были молодыми деревцами, радовалась, глядя, как они весело росли, крепили и поднимались к самому небу. Нет, это ужасно... Я не могу ни говорить, ни думать!.. Конечно, каждое дерево когда-нибудь должно погибнуть от собственной старости; но это совсем не то, когда видишь срубленными тысячи деревьев в расцвете сил, молодости и красоты.

Люди, срубившие деревья, почти совсем не говорили о них, точно всё так было, как должно быть. Они заботились теперь о том, как бы поскорее вывезти заготовленные дрова и уехать самим. Может быть, их

мучила совесть, а может быть, им надоело жить в лесу, — вернее, конечно, последнее.

К ним на помощь явились другие. Они в несколько дней сложили приготовленные дрова на воза и увезли, оставив одни пни и кучи зелёного хвороста. Вся земля была усыпана щепками и сором, так что зимнему ветру стоило больших хлопот засыпать эту безобразную картину свежим, пушистым снегом.

— Где же справедливость? — жаловалась Ветру старая Ель. — Что мы сделали этим злым людям с железными топорами?

— Они совсем не злые, эти люди, — ответил Ветер. — А просто ты многого не знаешь, что делается на свете.

— Конечно, я сижу дома, не шатаюсь везде, как ты, — угрюмо заметила Ель, недовольная замечанием своего старого знакомого. — Да я и не желаю знать всех несправедливостей, какие делаются. Мне довольно своего домашнего дела.

— Ты, Ветер, много хвастаешься, — заметила в свою очередь старая Белка. — Что же ты можешь знать, когда должен постоянно лететь сломя голову всё вперёд? Потом, ты делаешь часто большие неприятности и мне и деревьям: нагонишь холоду, снегу...

— А кто летом гонит к вам дождевые облака? Кто весною обсушит землю? Кто?.. Нет, мне некогда с вами разговаривать! — ещё более хвастливо ответил Ветер и улетел. — Прощайте пока...

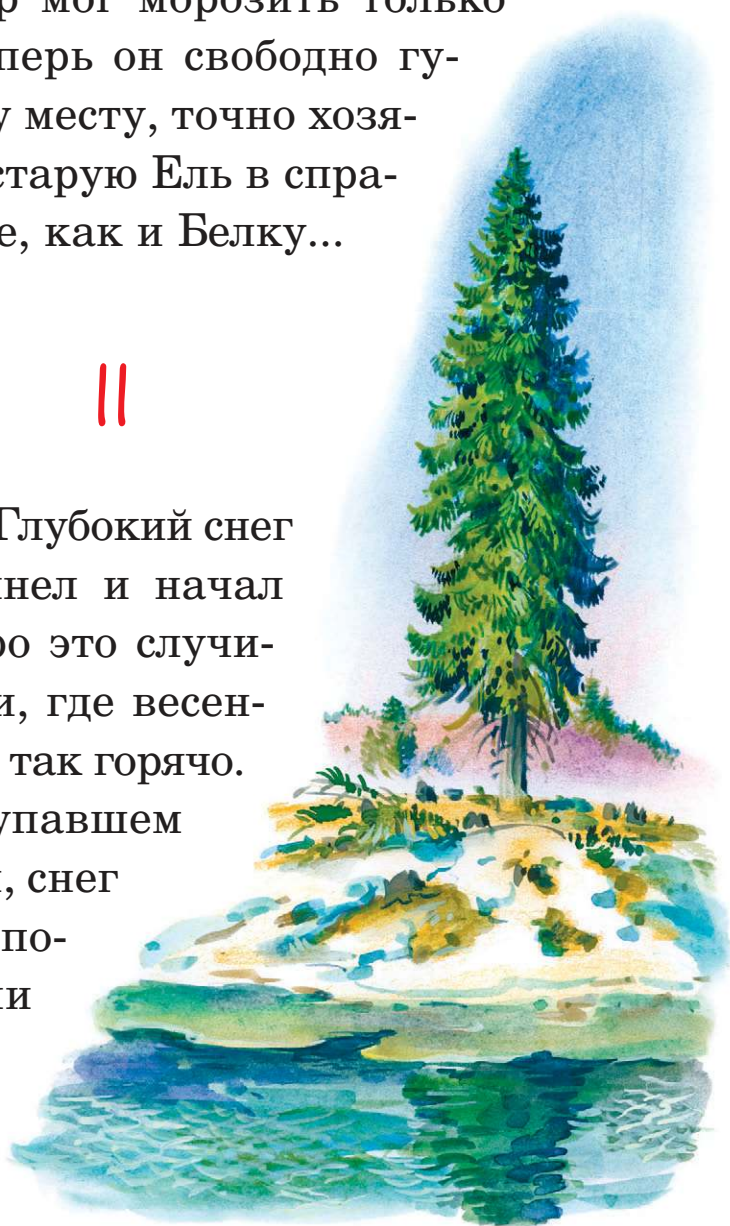
— Самохвал!.. — заметила вслед ему Белка.

С Ветром у леса велись искони неприятные счёты главным образом зимой, когда он приносил страшный северный холод и сухой, как толчёное стекло, снег. Деревья к северу повёртывались спиной и тянулись своими ветвями на юг, откуда веяло благодатным теплом. Но в густом лесу, где деревья защищали друг друга, Ветер мог морозить только одни вершины, а теперь он свободно гулял по вырубленному месту, точно хозяин, и это приводило старую Ель в справедливое негодование, как и Белку...

||

Наступила весна. Глубокий снег точно присел, потемнел и начал таять. Особенно скоро это случилось на новой поруби, где весеннее солнце припекало так горячо. В густом лесу, обступавшем порубь со всех сторон, снег ещё оставался, а на поруби уже выступали прогалины, снеговая вода сбегала ручьями к одному мес-

ту, где под толстым льдом спала зимним сном Речка Безымянка.

— Что вы меня будите раньше времени? — ворчала она. — Вот снег в лесу стает, и я проснусь.

Но её всё-таки разбудили раньше. Проснувшись, река не узнала своих берегов; везде было голо и торчали одни пни.

— Что такое случилось? — удивлялась Речка, обращаясь к одиноко стоявшей старой Ели. — Куда девался лес?

Старая Ель со слезами рассказала старой приятельнице обо всём случившемся и долго жаловалась на свою судьбу.

— Что же я теперь буду делать? — спрашивала Речка. — Раньше лес задерживал влагу, а теперь всё высохнет... Не будет влаги, — не будет и лесных ключиков с холодной водой. Вот горе!.. Чем я буду поить прибрежную траву, кусты и деревья? Я сама высохну с горя...

А весеннее солнце продолжало нагревать землю. Дохнул теплом первый весенний ветерок, прилетевший с тёплого моря. Набухли почки на берегах, а мохнатые ветви елей покрылись мягкими, светлыми почками. Это были молодые побеги новой хвои, выглянувшие зелёными глазками. Через мокрый, почерневший снег, точно изъеденный червями, пробился своей жёлтой головкой первый

Подснежник и весело крикнул тоненьким голоском:

— Вот и я, братцы!.. Поздравляю с весной!

Прежде в ответ сейчас же слышался весёлый шёпот елей, кивавших своими ветвями первому весеннему гостю, а теперь всё молчало кругом, так, что Подснежник был неприятно удивлён таким недружелюбным приёмом. Когда развернулась цветочная почка и Подснежник глянул кругом жёлтым глазком, он ахнул от изумления: вместо знакомых деревьев торчали одни пни; везде валялись кучи хвороста, щеп и сучьев. Картина представлялась до того печальная, что Подснежник даже заплакал.

— Если бы я знал, то лучше остался бы сидеть под землёй, — печально проговорил он, повёртываясь на своей мохнатой ножке. — От леса осталось одно кладбище.

Старушка Ель опять рассказала про своё страшное горе, а Белка подтвердила её слова. Да, зимой приехали люди с железными топорами и срубили тысячи деревьев, а потом изрезали их на дрова и увезли.

Не успел этот разговор кончиться, как показались перистые листья папоротников. В густом дремучем лесу трава не растёт, а мох и папоротник, — они любят и полусвет и сырость. Их удивление было ещё больше.

— Что же? Нам ничего не остаётся, как только уйти отсюда, — сурово проговорил самый большой Папоротник. — Мы не привыкли жариться на солнце...

— И уходите... — весело ответила зелёная Травка, выбившаяся откуда-то из-под сора нежными усиками.

— А ты откуда взялась? — сурово спросила старая Ель незваную гостью. — Разве твоё место здесь? Ступай на берег реки, к самой воде...

Весело засмеялась зелёная Травка на это ворчанье. Зачем она пойдёт, когда ей и здесь хорошо? Довольно и света, и земли, и воздуха. Нет, она останется именно здесь, на этой жирной земле, образовавшейся из перегнившей хвои, моха и сучьев.

— Как я попала сюда? Вот странный вопрос! — удивлялась Травка, улыбаясь. — Я приехала, как важная барыня... Меня привезли вместе с сеном, которое ели лошади: сено-то они съели, а я осталась. Нет, мне решительно здесь нравится... Вы должны радоваться, что я покрою всё зелёным, изумрудным ковром.

— Вот это мило! — заметила Белка, слушавшая разговор. — Пришла неизвестно откуда, да ещё разговаривает... А впрочем,

что же, пусть растёт пока, особенно если сумеет закрыть все эти щепы и сор, оставленные дровосеками.

— Я никому не помешаю, — уверяла Травка. — Мне нужно так немного места... Сами будете потом хвалить. А вот вы лучше обратите внимание вон на те зелёные листочки, которые пробиваются из-под щеп: это осина. Она вместе со мной приехала в сене, и мне всю дорогу было горько. По-моему, осина — самое глупое дерево: крепости в нём никакой, даже дрова из неё самые плохие, а разрастается так, что всех выживает.

— Ну, это уж из рук вон! — заворчала старая Ель. — Положим, старый ельник вырублен, но на его месте вырастут молодые ёлочки... Здесь наше старинное место, и мы его никому не уступим.

— Когда ещё твои ёлочки вырастут, а осинник так разрастётся, что всё задушит, — объяснила Белка. — Я это видела на других порубях... Осина всегда занимала чужие места, когда хозяева уйдут... И вырастает она скоро, и неприхотлива, да и живёт недолго. Пустое дерево, вечно что-то бормочет, а что — и не разберёшь. Да и мне от него поживы никакой.

В одну весну на свежей поруби явились ещё новые гости, которые и сами не умели объяснить, откуда явились сюда. Тут были и молодые рябинки, и черёмуха, и малинники, и ольхи, и кусты смородины, и верба; все эти породы жались главным образом к реке, оттесняя одна другую, чтобы захватить местечко получше. Ссорились они ужасно, так что старая Ель смотрела на них, как на разбойников или мелких ворюшек, которые никак не могли разделить попавшуюся в руки лакомую добычу.

— Э, пусть их, — успокаивала её Белка. — Пусть ссорятся и выгоняют друг друга. Нужно подождать, старушка. Только бы побольше уродилось шишек, а из шишек выпадет семя и народятся маленькие ёлочки.

— У тебя только и заботы, что о шишках! — укорила Ель лукавую лакомку. — Всякому, видно, до себя...

Порубь заросла вся в одну весну и новой травой, и новыми древесными породами, так что о сумрачных папоротниках не было здесь и помину. В зелёной, сочной траве пестрели и фиолетовые колокольчики, и полевая розовая гвоздика, и голубые незабудки, и ландыши, и фиалки, и пахучий шалфей, и розовые стрелки иван-чая. Недавняя смерть сменилась яркой жизнью молодой поросли; а в ней зачирикала, засвистела и рассыпалась весёлыми трелями разная мелкая птичка, которая не любит глухого леса и держится по опушкам и мелким зарослям. Приковылял в своих валенках и косой заяц: щипнул одну травку, попробовал другую, погрыз третью и весело сказал Белке:

— Это повкуснее будет твоих шишек... Попробуй-ка!..

С тех пор как вырубili лес у реки, прошло уже несколько лет, и порубь сделалась неузнаваемой. С вершины старой Ели виднелось точно сплошное зелёное озеро, разлившееся в раме тёмного ельника, обступившего порубь со всех сторон зубчатой стеной.

Старая Белка, бывшая свидетельницей порубки, успела в это время умереть, оставив целое гнездо молоденьких белочек, резвившихся и прыгавших в мохнатой зелени старой Ели.

— Посмотрите-ка, что там делается, на реке, — просила старушка Ель своих бойких квартиранток. — Меня ужасно это беспокоит... Кажется, довольно здесь набралось всяких деревьев, а идут всё новые... Насильно лезут вперёд, продираются, душат друг друга, — это меня удивляет! Мне, наконец, надоели эта суматоха и постоянные раздоры... Прежде было так тихо и чинно, каждое дерево знало своё место, а теперь точно с ума все сошли...

Белочки прыгали к реке и сейчас же приносили невесёлый ответ:

— Плохо, бабушка Ель... По реке вверх поднимаются новые травы и цветы, новые кустарники, и всё это

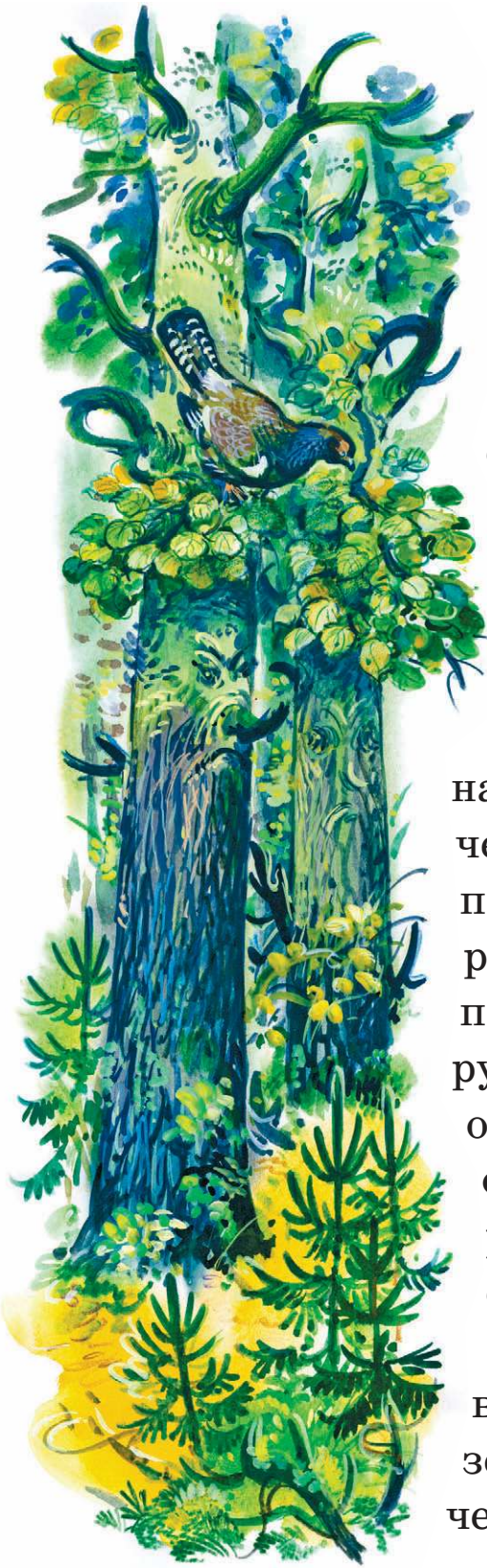
стремится на порубь, чтобы захватить хоть какой-нибудь кусок земли.

— Э, пусть идут: мне теперь всё равно, — печально шептала старушка Ель. — Мне и жить осталось недолго.

Время в лесу шло скорее, чем в городах, где живут люди. Деревья считали его не годами, а десятками лет. Происходило это, вероятно, потому, что деревья живут гораздо дольше людей и растут медленнее. С другой стороны, существовали однолетние растения, для которых весь круг жизни совершался в одно лето, — они рождались весной и умирали осенью. Кустарники жили десять-двадцать лет, а потом начинали хиреть, теряли листья и постепенно засыхали. Лиственные деревья жили ещё дольше, но до ста лет выживали одни липы и берёзы, а осины, черёмухи и рябины погибали, не дожив и половины. С листвен-

ными деревьями пришли и свои травы, и цветы, и кустарники — эта весёлая зелёная свита, которая не встречается в глухих хвойных лесах,

где недостаёт солнца и воздуха и где могут жить одни папоротники, мхи и лишайники.

Главными действующими лицами на поруби являлись теперь Река Безымянка и Ветер, — они вместе несли свежие семена новых растений и лесных пород, и таким образом происходило передвижение растительности. Через двадцать лет вся порубь заросла густым смешанным лесом, точно зелёная щётка. Посторонний глаз ничего здесь не разобрал бы, — так перемешались разные породы деревьев. Зелёная трава и цветы первыми покрыли свежую порубь, а теперь они должны были отступить на берег реки и лесные опушки, потому что в густой заросли им делалось душно да и солнца не хватало.

Но среди светлой зелени лиственных пород скоро показались зелёные стрелки молодых ёлочек, — они целой семьёй окружали

старую, дуплистую ель и, точно дети, рассыпались по опушке оставшейся нетронутой стены старого дремучего ельника.

— Не пускайте их! — кричала горькая Осина, шелестя своими дрожавшими листиками. — Это место наше... Вот как они продираются. Пожалуй, и нас выгонят...

— Ну, это ещё мы посмотрим, — спокойно ответили зелёные Берёзки. — А мы не дадим им свету... Загораживайте им солнце, — отнимайте из земли все соки. Мы ещё посмотрим, чья возьмёт...

Завязалась отчаянная война, которая особенно страшна была тем, что она совершалась молча, без малейшего звука. Это была общая война лиственных пород против молодой хвойной поросли. Берёзы и осины протягивали свои ветви, чтобы загородить солнечные лучи, падавшие на молодые ёлочки. Нужно было видеть, как томились без солнца эти несчастные ёлочки, как они задыха-

лись, хирели и засыхали. Ещё сильнее шла война под землёй, где в темноте неутомимо работали нежные корни, сосавшие питательную влагу. Корешки травы и цветов работали в самом верхнем слое почвы, глубже их зарывались корни кустарников, а ещё глубже шли корни берёз и молоденьких ёлочек. Там, в темноте, они переплетались между собой, как тонкие белые волосы.

— Дружнее работайте, детки! — ободряла их старая Ель. — Не теряйте времени...

Вся беда была в том, что берёзы росли быстрее ёлочек, но, с другой стороны, ёлочки оставались зелёными круглый год и пользовались одни светом и солнцем, пока берёзки спали зимним сном.

— Бабушка, нам трудно, — жаловались Ёлочки каждую весну. — Одолеют нас берёзы летом. Они в одно лето вырастут больше, чем мы — в два года.

— Имейте терпение, детки! Ничего даром не даётся, а всё добывается тяжёлым трудом... Дружнее работайте!..

Кусты отступили первыми; им нечего было здесь делать. Они скромно исчезли, уступив место более сильным лесным породам. Молодому осиннику приходилось также плохо: его теснили берёзы.

— Вы это что же делаете? — спросили Осины. — Мы прежде вас пришли сюда, а вы нас же начинаете выживать... Это бессовестно!..

— Вы находите, что бессовестно? — смеялись весёлые Берёзки. — Только мы нисколько не виноваты... Вас всё равно выгонят отсюда вот эти ёлочки, как только они подрастут. Вы уж лучше уходите сами подброду и поищите себе другого места. Только мешаете нам.

— Мы им мешаем?! Мы им мешаем?! — шептали огорчённые листики бедной Осины. — Это называется просто нахальством. Вы пользуетесь правом сильного. Да... Когда-нибудь вы раскаетесь, когда самим придётся плохо...

— Ах, отстаньте, надоели! Некогда нам разговаривать с вами...

Плохо пришлось осинкам, когда их загнали в самый угол поруби; с одной стороны на них наступал молодой березняк, а с другой — молодая еловая поросль.

— Батюшки, погибаем! — кричали несчастные Осинки. — Господа, что же это такое? Двое на одного...

— Уходите! Уходите! — тысячами голосов кричали Ёлочки. — Вы нам только мешаете... Смешно плакать, когда идёт война. Нужно уметь умирать с достоинством, если нет силы жить...

— А где же у нас рябины и черёмухи? — спрашивал насмешник-Ветер, прилетавший поиграть с молодыми берёзками. — Ах, бедные, они ушли совсем незаметно, чтобы никого не беспокоить...

Большой шалун был этот Ветер: каждую веточку по дороге нагнёт, каждый листочек поцелует и с весёлым свистом летит дальше. Ему и горя мало, как другие живут на свете, и только самому бы погулять. Правда, зимой, в холод, ему приходилось трудненько, и Ветер даже стонал и плакал, но ему никто не верил; это горе было только до первого весеннего луча.

IV

Прошло пятьдесят лет.

От старой поруби не осталось и следа. На её месте поднималась зелёная рать молодых елей, рвавшихся в небо своими стрелками. Среди этой могучей хвойной зелени сиротами оставались кой-где старые берёзы, — на всю порубь их было не больше десятка. Там, где торжествовали смерть и разрушение, теперь цвела молодая жизнь, полная силы и молодого

веселья. В этой зелени выделялась своей побуревшей вершиной одна старая Ель.

— Ох, детки, плохо мне... — часто жаловалась старушка, качая своей бурой вершиной. — Нехорошо так долго заживаться на свете. Всему есть свой предел... Теперь я умру спокойно, в своей семье, — а то совсем было осталась на старости лет одна-одинёшенька.

— Бабушка, мы не дадим тебе умереть! — весело кричали молодые Ели. — Мы тебя будем защищать и от ветра, и от холода, и от снега.

— Нет, детки, устала я жить... Довольно. Меня уже точат и черви, и жучки, а сверху разъедают кору лишайники.

— Тук, тук!.. — крикнул пёстрый Дятел, долбивший старую Ель своим острым клювом. — Где жучки? Где червячки? Тук... тук... тук... Я им задам!..

Тук... Не беспокойтесь, старушка, я их всех вытащу и скушаю... Тук!..

— Да ведь ты меня же долбишь, мою старую кору! — стонала Ель, возмущённая нахальством нового гостя. — Прежде в дупле жили белки, так те шишки мои ели, а ты долбишь меня, моё деревянное тело. Ах, приходит, видно, мой конец.

— Ничего. Тук!.. Я только червячков добуду... Тук, тук, тук!..

Молодые ёлочки были возмущены бессовестностью дятла; но что поделаешь с нахалом, который ещё уверяет, что трудится для пользы других! А старая Ель только вздрагивала, когда в её дряблое тело впиался острый клюв. Да, пора умирать.

— Детки, расскажу я вам, как я попала сюда, — шептала старушка. — Давно это было... Мои родители жили там, на горе, в камнях, где так свистит холодный ветер. Трудно им приходилось, особенно по зимам... Больше всех обижал Ветер: как закрутит, как засвистит... Северная сторона у елей вся была голая, а нижние ветви стлались по земле. Трудно было и пищу добывать между камнями. Корни оплели камни и крепко держались за них. Ель — неприхотливое дерево и крепкое, не боится ничего. Сосны и берёзы не смели даже взглянуть туда, где мои родители зеленели стройной четой. Выше их росли только болотная горная трава да мох... Красиво было

там, на горе... Да... На такую высоту только изредка забегали белки да зайцы. Одна такая белка подобрала между камнями спелую еловую шишку и утащила сюда, в свой дом, а из этой шишки выросла я. Здесь при-
вольнее, чем на горе, хоть и не так красиво. Вот моя история, детки... Долго я жила и скажу одно, что мы, ели, — самое крепкое дерево, а поэтому другие поро-
ды и не могут нас одолеть. Сосна тоже хорошее дере-
во, но не везде может расти... Вот пихты и кедры — те одного рода с нами и также ничего не боятся...

Все слушали старушку с приличным молчанием, а папоротники широко простирали свои листья-пе-
рья. В молодом лесу уже водворились сырость и веч-
ная полумгла, какие необходимы этому красивому растению. О полевых цветах и весёлой зелёной трав-
ке не было и помину, а от старых берёз оставались одни гнилые пни, в которых жили мыши и землерой-
ки. Следы поруби исчезли окончательно.

Настал и роковой день. Это было среди лета. С ве-
чера ещё ветер нагнал тёмную тучу, которая обложи-
ла половину неба. Всё притихло в ожидании грозы, и
только изредка налетал ветер. В воздухе сделалось
душно. Весело журчала одна Безымянка: ветер при-
несёт ей новой воды. Обновилась и зелёная травка,
которую несколько дней жгло солнце.

— Эй, берегись! — свистал Ветер, проносясь по вер-
хушкам елей. — Я вас всех утешу, только стоять крепче.

Потом всё стихло. Сделалось совсем темно. Где-то далеко грянул первый гром, а туча уже закрыла всё небо. Ослепительно сверкнула молния, и раздался новый, страшный удар грома прямо над лесом. Где-то что-то затрещало и зашумело. Посыпались первые крупные капли дождя, и рванулся ветер, а там — новый удар грома. Эта канонада продолжалась в течение целого часа, а когда она кончилась и буря пронеслась, старая Ель лежала уже на земле. Она рухнула под тяжестью пережитых лет и старческого бессилия. Когда взошло солнце и под его лучами ярко заблестела омытая дождём зелень, не оказалось только одной бурой вершины старой Ели...

МЕДВЕДКО

— Б

арин, хотите вы взять медвежонка? — предлагал мне мой кучер Андрей.

— А где он?

— Да у соседей. Им знакомые охотники подарили. Славный такой медвежонок, всего недель трёх. Забавный зверь, одним словом.

— Зачем же соседи отдают, если он славный?

— Кто их знает. Я видел медвежонка: не больше рукавицы. И так смешно переваливает.

Я жил на Урале, в уездном городе. Квартира была большая. Отчего же и не взять медвежонка? В самом деле, зверь забавный. Пусть поживёт, а там увидим, что с ним делать.

Сказано — сделано. Андрей отправился к соседям и через полчаса принёс крошечного медвежонка, который действительно был не больше его рукавицы, с той разницей, что эта живая рукавица так забавно ходила на своих четырёх ногах и ещё забавнее тарасила такие милые синие глазёнки.

За медвежонком пришла целая толпа уличных ребятшек, так что пришлось затворить ворота. Попав в комнаты, медвежонок нимало не смутился, а напро-

тив, почувствовал себя очень свободно, точно пришёл домой. Он спокойно всё осмотрел, обошёл вокруг стен, всё обнюхал, кое-что попробовал своей чёрной лапкой и, кажется, нашёл, что всё в порядке.

Мои гимназисты натащили ему молока, булок, сухарей. Медвежонок принимал всё как должное и, усевшись в уголке на задние лапы, приготовился закусить. Он делал всё с необыкновенной комичной важностью.

— Медведко, хочешь молочка?

— Медведко, вот сухарики.

— Медведко!..

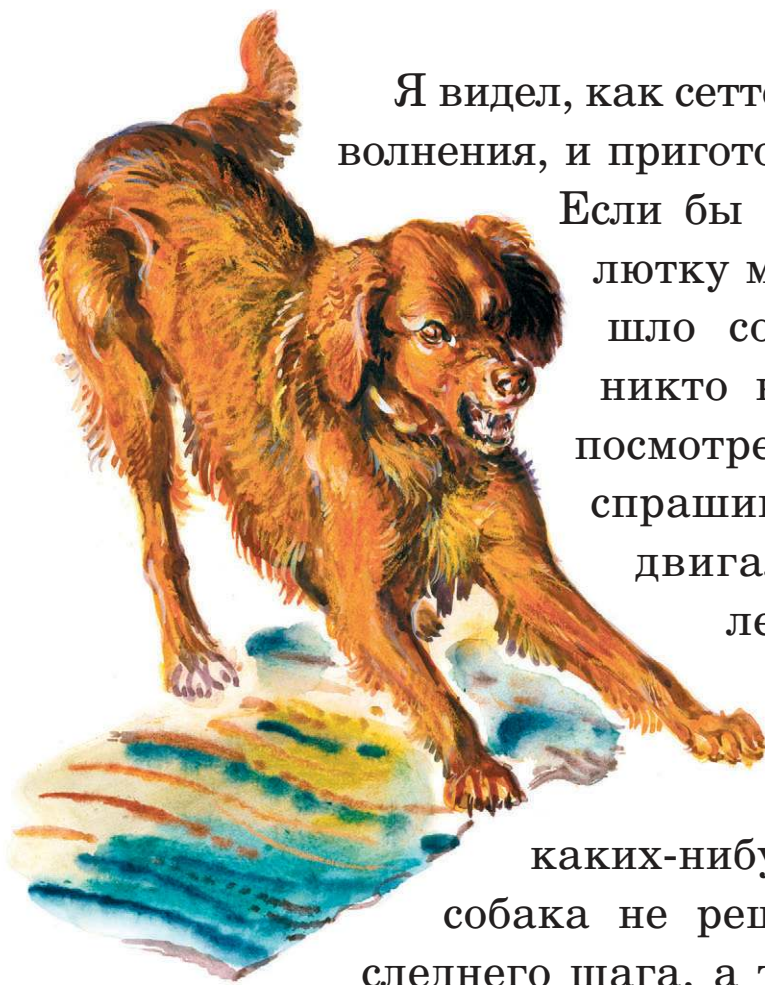
Пока происходила вся эта суэта, в комнату незаметно вошла моя охотничья собака, старый рыжий сеттер. Собака сразу почуяла присутствие какого-то неизвестного зверя, вытянулась, ошетибилась, и не успели мы оглянуться, как она уже сделала стойку над маленьким гостем. Нужно было видеть картину: медвежонок забился в уголок, присел на задние лапки и смотрел на медленно подходившую собаку такими злыми глазёнками.

Собака была старая, опытная, и поэтому она не бросилась сразу, а долго смотрела с удивлением своими большими глазами на непрошеного гостя, — эти комнаты она считала своими, а тут вдруг забрался неизвестный зверь, засел в угол и смотрит на неё как ни в чём не бывало.

Я видел, как сеттер начал дрожать от волнения, и приготовился схватить его. Если бы он бросился на малютку медвежонка! Но вышло совсем другое, чего никто не ожидал. Собака посмотрела на меня, точно спрашивая согласия, и подвигалась вперёд медленными, рассчитанными шагами. До медвежонка оставалось всего каких-нибудь пол-аршина, но собака не решалась сделать последнего шага, а только ещё сильнее вытянулась и сильно потянула в себя воздух: она желала, по собачьей привычке, сначала обнюхать неизвестного врага.

Но именно в этот критический момент маленький гость размахнулся и мгновенно ударил собаку правой лапой прямо по морде. Вероятно, удар был очень силен, потому что собака отскочила и завизжала.

— Вот так молодец Медведко! — одобрили гимназисты. — Такой маленький и ничего не боится...

Собака была сконфужена и незаметно скрылась в кухню.

Медвежонок преспокойно съел молоко и булку, а потом забрался ко мне на колени, свернулся клубочком и замурлыкал, как котёнок.

— Ах, какой он милый! — повторили гимназисты в один голос. — Мы его оставим у нас жить... Он такой маленький и ничего не может сделать.

— Что ж, пусть его поживёт, — согласился я, любуясь притихшим зверьком.

Да и как было не любоваться! Он так мило мурлыкал, так доверчиво лизал своим чёрным языком мои руки и кончил тем, что заснул у меня на руках, как маленький ребёнок.

Медвежонок поселился у меня и в течение целого дня забавлял публику, как больших, так и маленьких. Он так забавно кувыркался, всё желал видеть и везде лез. Особенно его занимали двери. Подковыляет, запустит лапу и начинает отворять. Если дверь не отворялась, он начинал забавно сердиться, ворчал и принимался грызть дерево своими острыми, как белые гвоздики, зубами.

Меня поражала необыкновенная подвижность этого маленького увальня и его сила. В течение этого дня он обошёл решительно весь дом, и, кажется, не оставалось такой вещи, которой он не осмотрел бы, не понюхал и не полизал.

Наступила ночь. Я оставил медвежонка у себя в комнате. Он свернулся клубочком на ковре и сейчас же заснул.

Убедившись, что он успокоился, я загасил лампу и тоже приготовился спать. Не прошло четверти часа, как

я стал засыпать, но в самый интересный момент мой сон был нарушен: медвежонок пристроился к двери в столовую и упорно хотел её отворить. Я оттащил его раз и уложил на старое место. Не прошло получаса, как повторилась та же история. Пришлось вставать и укладывать упрямого зверя во второй раз. Через полчаса — то же... Наконец мне это надоело, да и спать хотелось. Я отворил дверь кабинета и пустил медвежонок в столовую. Все наружные двери и окна были заперты, следовательно, беспокоиться было нечего.

Но мне и в этот раз не привелось уснуть. Медвежонок забрался в буфет и загремел тарелками. Пришлось вставать и вытаскивать его из буфета, причём медвежонок ужасно рассердился, заворчал, начал вертеть головой и пытался укусить меня за руку. Я взял его за шиворот и отнёс в гостиную. Эта возня начинала мне надоедать, да и вставать на другой день нужно было рано. Впрочем, я скоро уснул, позабыв о маленьком госте.

Прошёл, может быть, какой-нибудь час, как страшный шум в гостиной заставил меня вскочить. В первую минуту я не мог сообразить, что такое случилось, и только потом всё сделалось ясно: медвежонок разодрался с собакой, которая спала на своём обычном месте в передней.

— Ну и зверина! — удивился кучер Андрей, разнимая воевавших.

— Куда его мы теперь денем? — думал я вслух. — Он никому не даст спать целую ночь.

— А к емназистам, — посоветовал Андрей. — Они его весьма даже уважают. Ну и пусть спит опять у них.

Медвежонок был помещён в комнате гимназистов, которые были очень рады маленькому квартиранту.

Было уже два часа ночи, когда весь дом успокоился.

Я был очень рад, что избавился от беспокойного гостя и мог заснуть. Но не прошло часа, как все повскакали от страшного шума в комнате гимназистов. Там происходило что-то невероятное... Когда я прибежал в эту комнату и зажёл спичку, всё объяснилось.

Посредине комнаты стоял письменный стол, покрытый клеёнкой. Медвежонок по ножке стола добрался до клеёнки, ухватил её зубами, уперся лапами в ножку и принялся тащить что было мочи. Тащил, тащил, пока не стащил всю клеёнку, вместе с ней — лампу, две чернильницы, графин с водой и вообще всё, что было разложено на столе. В результате — разбитая лампа, разбитый графин, разлитые по полу чернила, а виновник всего скандала забрался в самый дальний угол; оттуда сверкали только одни глаза, как два уголька.

Его пробовали взять, но он отчаянно защищался и даже успел укусить одного гимназиста.

— Что мы будем делать с этим разбойником! — взмолился я. — Это всё ты, Андрей, виноват.

— Что же я, барин, сделал? — оправдывался кучер. — Я только сказал про медвежонок, а взяли-то вы. И емназисты даже весьма его одобряли.

Словом, медвежонок не дал спать всю ночь.

Следующий день принёс новые испытания. Дело было летнее, двери оставались незапертыми, и он незаметно прокрался во двор, где ужасно напугал корову. Кончилось тем, что медвежонок поймал цып-

лёнка и задавил его. Поднялся целый бунт. Особенно негодовала кухарка, жалевшая цыплёнка. Она накинулась на кучера, и дело чуть не дошло до драки.

На следующую ночь, во избежание недоразумений, беспокойный гость был заперт в чулан, где ничего не было, кроме ларя с мукой. Каково же было негодование кухарки, когда на следующее утро она нашла медвежонка в ларе: он отворил тяжёлую крышку и спал самым мирным образом прямо в муке. Огорчённая кухарка даже расплакалась и стала требовать расчёта.

— Житья нет от поганого зверя, — объясняла она. — Теперь к корове подойти нельзя, цыплят надо запирать... муку бросить... Нет, пожалуйста, барин, расчёт.

Признаться сказать, я очень раскаивался, что взял медвежонка, и очень был рад, когда нашёлся знакомый, который его взял.

— Помилуйте, какой милый зверь! — восхищался он. — Дети будут рады. Для них — это настоящий праздник. Право, какой милый.

— Да, милый... — соглашался я.

Мы все вздохнули свободно, когда наконец избавились от этого милого зверя и когда весь дом пришёл в прежний порядок.

Но наше счастье продолжалось недолго, потому что мой знакомый возвратил медвежонка на другой же день. Милый зверь накуролесил на новом месте ещё больше, чем у меня. Забрался в экипаж, заложенный молодой лошадей, зарычал. Лошадь, конечно, бросилась стремглав и сломала экипаж. Мы попробовали вернуть медвежонка на первое место, откуда его принёс мой кучер, но там отказались принять его наотрез.

— Что же мы будем с ним делать? — взмолился я, обращаясь к кучеру. — Я готов даже заплатить, только бы избавиться.

На наше счастье, нашёлся какой-то охотник, который взял его с удовольствием...

ПРИЁМЫШ

Дождливый летний день. Я люблю в такую погоду бродить по лесу, особенно когда впереди есть тёплый уголок, где можно обсушиться и обогреться. Да к тому же летний дождь — тёплый. В городе в такую погоду — грязь, а в лесу земля жадно впитывает влагу, и вы идёте по чуть отсыревшему ковру из прошлогоднего палого листа и осыпавшихся игл сосны и ели. Деревья покрыты дождевыми каплями, которые сыплются на вас при каждом движении. А когда выглянет солнце после такого дождя, лес так ярко зеленеет и весь горит алмазными искрами. Что-то праздничное и радостное кругом вас, и вы чувствуете себя на этом празднике желанным, дорогим гостем.

Именно в такой дождливый день я подходил к Светлому озеру, к знакомому сторожу на рыбацкой сайме* Тарасу. Дождь уже редел. На одной стороне неба показались просветы, ещё немножко — и пока-

---

* Саймой на Урале называют рыбацкие стоянки.
(Примечание автора.)

жется горячее летнее солнце. Лесная тропинка сделала крутой поворот, и я вышел на отлогий мыс, вдававшийся широким языком в озеро. Собственно, здесь было не само озеро, а широкий проток между двумя озёрами, и сайма приткнулась в излучине на низком берегу, где в заливчике ютились рыбачьи лодки. Проток между озёрами образовался благодаря большому лесистому острову, разлёгшемуся зелёной шапкой напротив саймы.

Моё появление на мысу вызвало сторожевой оклик собаки Тараса, — на незнакомых людей она всегда лаяла особенным образом, отрывисто и рез-

ко, точно сердито спрашивала: «Кто идёт?» Я люблю таких простых собачонок за их необыкновенный ум и верную службу...

Рыбачья избушка издали казалась повёрнутой вверх дном большой лодкой, — это горбилась старая деревянная крыша, проросшая весёлой зелёной травой. Кругом избушки поднималась густая поросль из иван-чая, шалфея и «медвежьих дудок», так что у подходившего к избушке человека виднелась одна голова. Такая густая трава росла только по берегам озера, потому что здесь достаточно было влаги и почва была жирная.

Когда я подходил уже совсем к избушке, из травы кубарем вылетела на меня пёстрая собачонка и залилась отчаянным лаем.

— Соболюшко, перестань... Не узнал?

Соболюшко остановился в раздумье, но, видимо, ещё не верил в старое знакомство. Он осторожно подошёл, обнюхал мои охотничьи сапоги и только после этой церемонии виновато завилял хвостом. Дескать, виноват, ошибся, — а всё-таки я должен стеречь избушку.

Избушка оказалась пустой. Хозяина не было, то есть он, вероятно, отправился на озеро осматривать какую-нибудь рыболовную снасть. Кругом избушки всё говорило о присутствии живого человека: слабо кутившийся огонёк, охалка только что нарубленных дров, сушившаяся на кольях сеть, топор, воткнутый

в обрубок дерева. В приотворённую дверь саймы виднелось всё хозяйство Тараса: ружьё на стене, несколько горшков на припечке, сундучок под лавкой, развешанные снасти. Избушка была довольно просторная, потому что зимой во время рыбного лова в ней помещалась целая артель рабочих. Летом старик жил один. Несмотря ни на какую погоду, он каждый день жарко натапливал русскую печь и спал на полатах. Эта любовь к теплу объяснялась почтенным возрастом Тараса: ему было около девяноста лет. Я говорю «около», потому что сам Тарас забыл, когда он родился. «Ещё до француза», как объяснял он, то есть до нашествия французов в Россию в 1812 году.

Сняв намокшую куртку и развесив охотничьи доспехи по стенке, я принялся разводить огонь. Соболю-

ко вертелся около меня, предчувствуя какую-нибудь поживу. Весело разгорелся огонёк, пустив кверху синюю струйку дыма. Дождь уже прошёл. По небу неслись разорванные облака, роняя редкие капли. Кое-где синели просветы неба. А потом показалось и солнце, горячее июльское солнце, под лучами которого мокрая трава точно задымилась. Вода в озере стояла тихо-тихо, как это бывает только после дождя. Пахло свежей травой, шалфеем, смолистым ароматом недалеко стоявшего сосняка. Вообще хорошо, как только может быть хорошо в таком глухом лесном уголке. Направо, где кончался проток, синела гладь Светлого озера, а за зубчатой каймой

поднимались горы. Чудный уголок! И недаром старый Тарас прожил здесь целых сорок лет. Где-нибудь в городе он не прожил бы и половины, потому что в городе не купишь ни за какие деньги такого чистого воздуха, а главное — этого спокойствия, которое охватывало здесь. Хорошо на сайте!.. Весело горит яркий огонёк; начинает припекать горячее солнце, глазам больно смотреть на сверкающую даль чудного озера. Так сидел бы здесь и, кажется, не растался бы с чудным лесным привольем. Мысль о городе мелькает в голове, как дурной сон.

В ожидании старика я прикрепил на длинной палке медный походный чайник с водой и повесил

его над огнём. Вода уже начинала кипеть, а старика всё не было.

— Куда бы ему деться? — раздумывал я вслух. — Снасти осматривают утром, а теперь полдень... Может быть, поехал посмотреть, не ловит ли кто рыбу без спроса... Соболю, куда девался твой хозяин?

Умная собака только виляла пушистым хвостом, облизывалась и нетерпеливо взвизгивала. По наружности Соболю принадлежал к типу так называемых «промысловых» собак. Небольшого роста, с острой мордой, стоячими ушами и загнутым вверх хвостом, он, пожалуй, напоминал обыкновенную дворнягу, с той разницей, что дворняга не нашла бы в лесу белки, не су-

мела бы «облаять» глухаря, выследить оленя, — одним словом, настоящая промысловая собака, лучший друг человека. Нужно видеть такую собаку именно в лесу, чтобы в полной мере оценить все её достоинства.

Когда этот «лучший друг человека» радостно взвизгнул, я понял, что он завидел хозяина. Действительно, в протоке чёрной точкой показалась рыбачья лодка, огибавшая остров. Это и был Тарас... Он плыл, стоя на ногах, и ловко работал одним веслом — настоящие рыбаки все так плавают на своих лодках-однодеревках, называемых не без основания «душегубками». Когда он подплыл ближе, я заметил, к удивлению, плывшего перед лодкой лебедя.

— Ступай домой, гуляка! — ворчал старик, подгоняя красиво плывшую птицу. — Ступай, ступай... Вот я тебе дам — уплывать бог знает куда... Ступай домой, гуляка!

Лебедь красиво подплыл к сайме, вышел на берег, встряхнулся и, тяжело переваливаясь на своих кривых чёрных ногах, направился к избушке.

Старик Тарас был высокого роста, с окладистой седой бородой и строгими большими серыми глазами. Он всё лето ходил босой и без шляпы. Замечательно,

что у него все зубы были целы и волосы на голове сохранились. Загорелое широкое лицо было изборождено глубокими морщинами. В жаркое время он ходил в одной рубахе из крестьянского синего холста.

— Здравствуй, Тарас!

— Здравствуй, барин!

— Откуда бог несёт?

— А вот за Приёмышем плавал, за лебедем... Всё тут вертелся, в протоке, а потом вдруг и пропал... Ну, я сейчас за ним. Выехал в озеро — нет; по заводям проплыл — нет; а он за островом плавает.

— Откуда достал-то его, лебедя?

— А Бог послал, да!.. Тут охотники из господ наезжали; ну, лебедя с лебедушкой и пристрелили, а вот

этот остался. Забился в камыши и сидит. Летать-то не умеет, вот и спрятался, ребячьим делом. Я, конечно, ставил сети подле камышей, ну, и поймал его. Пропадёт один-то, ястреба заедят, потому как смыслу в ём ещё настоящего нет. Сиротой остался. Вот я его привёз и держу. И он тоже привык... Теперь вот скоро месяц будет, как живём вместе. Утром на заре поднимется, поплавает в протоке, покормится, потом и домой. Знает, когда я встаю, и ждёт, чтобы покормили. Умная птица, одним словом, и свой порядок знает.

Старик говорил необыкновенно любовно, как о близком человеке. Лебедь приковылял к самой избушке и, очевидно, выжидал какой-нибудь подачки.

— Улетит он у тебя, дедушка... — заметил я.

— Зачем ему лететь? И здесь хорошо: сыт, кругом вода...

— А зимой?

— Перезимует вместе со мной в избушке. Места хватит, а нам с Собољком веселей. Как-то один охотник забрёл ко мне на сайму, увидал лебедя и говорит вот так же: «Улетит, ежели крылья не подрежешь». А как же можно увечить Божью птицу? Пусть живёт, как ей от Господа указано... Человеку указано одно, а птице — другое... Не возьму я в толк, зачем господа лебедей застрелили. Ведь и есть не станут, а так, для озорства...

Лебедь точно понимал слова старика и посматривал на него своими умными глазами.

— А как он с Собољком? — спросил я.

— Сперва-то боялся, а потом привык. Теперь лебедь-то в другой раз у Собољка и кусок отнимает. Пёс заворчит на него, а лебедь его — крылом. Смешно на них со стороны смотреть. А то гулять вместе отправятся: лебедь по воде, а Собољко — по берегу. Пробовал пёс плавать за ним, ну, да ремесло-то не то: чуть не потонул. А как лебедь уплывёт, Собољко ищет его. Сядет на бережку и воет... Дескать, скучно мне, псу, без тебя, друг сердешный. Так вот и живём втроём.

Я очень любил старика. Рассказывал уж он очень хорошо и знал много. Бывают такие хорошие, умные

старики. Много летних ночей приходилось коротать на сайме, и каждый раз узнаёшь что-нибудь новое. Прежде Тарас был охотником и знал места кругом вёрст на пятьдесят, знал всякий обычай лесной птицы и лесного зверя; а теперь не мог уходить далеко и знал одну свою рыбу. На лодке плавать легче, чем ходить с ружьём по лесу, а особенно по горам. Теперь ружьё оставалось у Тараса только по старой памяти да на всякий случай, если бы забежал волк. По зимам волки заглядывали на сайму и давно уже точили зубы на Соболяка. Только Соболяка был хитёр и не давался волкам.

Я остался на сайме на целый день. Вечером ездили удить рыбу и ставили сети на ночь. Хорошо Свет-

лое озеро, и недаром оно названо Светлым, — вода в нём совершенно прозрачная, так что плывёшь на лодке и видишь всё дно на глубине несколько сажен. Видны и пёстрые камешки, и жёлтый речной песок, и водоросли; видно, как и рыба ходит «руном», то есть стадом. Таких горных озёр на Урале сотни, и все они отличаются необыкновенной красотой. От других Светлое озеро отличалось тем, что прилегало к горам только одной стороной, а другой выходило «в степь», где начиналась благословенная Башкирия. Кругом Светлого озера разлеглись самые привольные места, а из него выходила бойкая горная река, разливавшаяся по степи на целую тысячу вёрст. Длинной озеро было до двадцати вёрст, да в ширину около девяти. Глубина достигала в некоторых местах сажен пятнадцать... Особенную красоту придавала ему группа лесистых островов. Один такой островок отделился на самую середину озера и назывался Голодаем, потому что, попав на него в дурную погоду, рыбаки не раз голодали по несколько дней.

Тарас жил на Светлом уже сорок лет. Когда-то у него были и своя семья, и дом, а теперь он жил бобылём. Дети перемёрли, жена тоже умерла, и Тарас безвыходно оставался на Светлом по целым годам.

— Не скучно тебе, дедушка? — спросил я, когда мы возвращались с рыбной ловли. — Жутко одинокому-то в лесу...

— Одному? Тоже и скажет барин... Я тут князь князем живу. Всё у меня есть... И птица всякая, и рыба, и трава. Конечно, говорить они не умеют, да я-то понимаю всё. Сердце радуется в другой раз посмотреть на Божью тварь... У всякой свой порядок и свой ум. Ты думаешь, зря рыбка плавает в воде или птица по лесу летает? Нет, у них заботы не меньше нашего... Эвон, погляди, лебедь-то дожидается нас с Собољком. Ах, прокурат!..

Старик ужасно был доволен своим Приёмышем, и все разговоры в конце концов сводились на него.

— Гордая, настоящая царская птица, — объяснил он. — Помани его кормом, да не дай, в другой раз и не пойдёт. Свой карактер тоже имеет, даром что птица... С Собољком тоже себя очень гордо держит. Чуть что, сейчас крылом, а то и носом долбанёт. Известно, пёс в другой раз созорничать захочет, зубами норовит за хвост поймать, а лебедь его по морде... Это тоже не игрушка, чтобы за хвост хватать.

Я переночевал и утром на другой день собрался уходить.

— Ужо по осени приходи, — говорил старик на прощание. — Тогда рыбу лучить будем с острогой... Ну, и рябчиков постреляем. Осенний рябчик жирный.

— Хорошо, дедушка, приеду как-нибудь.

Когда я отходил, старик меня вернул:

— Посмотри-ка, барин, как лебедь-то разыгрался с Собольком...

Действительно, стоило полюбоваться оригинальной картиной. Лебедь стоял, раскрыв крылья, а Соболько с визгом и лаем нападал на него. Умная птица вытягивала шею и шипела на собаку, как это делают гуси. Старый Тарас от души смеялся над этой сценой, как ребёнок.

В следующий раз я попал на Светлое озеро уже поздней осенью, когда сыпал первый снег. Лес и теперь был хорош. Кое-где на берёзах ещё оставался

жёлтый лист. Ели и сосны казались зеленее, чем летом. Сухая осенняя трава выглядывала из-под снега жёлтой щёткой. Мёртвая тишина царила кругом, точно природа, утомлённая летней кипучей работой, теперь отдыхала. Светлое озеро казалось больше, потому что не стало прибрежной зелени. Прозрачная вода потемнела, и в берег с шумом била тяжёлая осенняя волна...

Избушка Тараса стояла на том же месте, но казалась выше, потому что не стало окружавшей её высокой травы. Навстречу мне выскочил тот же Соболько. Теперь он узнал меня и ласково завилял хвостом ещё издали. Тарас был дома. Он чинил невод для зимнего лова.

— Здравствуй, старина!..

— Здравствуй, барин!

— Ну, как поживаешь?

— Да ничего... По осени-то, к первому снегу, прихворнул малость. Ноги болели... К непогоде у меня завсегда так бывает.

Старик действительно имел утомлённый вид. Он казался теперь таким дряхлым и жалким. Впрочем, это происходило, как оказалось, совсем не от болезни. За чаем мы разговорились, и старик рассказал своё горе.

— Помнишь, барин, лебедя-то?

— Приёмыша?

— Он самый... Ах, хороша была птица!.. А вот мы опять с Собольком остались одни... Да, не стало Приёмыша.

— Убили охотники?

— Нет, сам ушёл... Вот как мне обидно это, барин!.. Уж я ли, кажется, не ухаживал за ним, я ли не водился!.. Из рук кормил... Он ко мне и на голос шёл. Плавает он по озеру, — я его кликну, он и подплывает. Учёная птица. И ведь совсем привыкла... да! Уж в заморозки грех вышел. На перелёте стадо лебедей спустилось на Светлое озеро. Ну, отдыхают, кормятся, плавают, а я люблюсь. Пусть Божья птица с силой соберётся: не близкое место лететь... Ну а тут и вышел грех. Мой-то Приёмыш сначала сторонился от других лебедей: подплывёт к ним, и назад. Те гогочут по-своему, зовут его, а он домой... Дескать, у меня свой дом есть. Так дня три это у них было. Всё, значит, пере-

говариваются по-своему, по-птичье. Ну а потом, вижу, мой Приёмыш затосковал...

Вот всё равно как человек тоскует. Выйдет это на берег, встанет на одну ногу и начнёт кричать. Да ведь как жалобно кричит... На меня тоску нагонит, а Соболюшко, дурак, волком воет. Известно, вольная птица, кровь-то сказала...

Старик замолчал и тяжело вздохнул.

— Ну, и что же, дедушка?

— Ах, и не спрашивай... Запер я его в избушку на целый день, так он и тут донял. Станет на одну ногу у самой двери и стоит, пока не сгонишь его с места. Только вот не скажет человеческим языком: «Пусти, дедушка, к товарищам. Они-то в тёплую сторону полетят, а что я с вами тут буду зимой делать?» Ах, ты, думаю, задача! Пустить — улетит за стадом и пропадёт...

— Почему пропадёт?

— А как же?.. Те-то на вольной воле выросли. Их, молодые которые, отец с матерью летать выучили. Ведь ты думаешь, как у них? Подрастут лебедята, — отец с матерью выведут их сперва на воду, а потом начнут учить летать. Исподволь учат: всё дальше да дальше. Своими глазами я видел, как молодых обу-

чают к перелёту. Сначала особняком учат, потом небольшими стаями, а потом уже сгрудятся в одно большое стадо. Похоже на то, как солдат муштруют... Ну а мой-то Приёмыш один вырос и, почитай, никуда не летал. Поплаывает по озеру — только и всего ремесла. Где же ему перелететь? Выбьется из сил, отстанет от стада и пропадёт... Непривычен к дальнему лёту.

Старик опять замолчал.

— А пришлось выпустить, — с грустью заговорил он. — Всё равно, думаю, ежели удержу его на зиму, затоскует и схиреет. Уж птица такая особенная. Ну и выпустил. Пристал мой Приёмыш к стаду, поплавал с ним день, а к вечеру опять домой. Так два дня приплывал. Тоже, хоть и птица, а тяжело с своим домом расставаться. Это он прощаться плавал, барин... В последний-то раз отплыл от берега этак сажень на двадцать, остановился и как, братец ты мой, крикнет по-своему. Дескать: «Спасибо за хлеб, за соль!..» Только я его и видел. Остались мы опять с Собољком одни. Первое-то время сильно мы оба тосковали. Спрошу его: «Собољко, а где наш Приёмыш?» А Собољко сейчас выть... Значит, жалеет. И сейчас на берег, и сейчас искать друга милого... Мне по ночам всё грезилось, что Приёмыш-то тут вот полощется у берега и крылышками хлопает. Выйду — никого нет...

Вот какое дело вышло, барин.

ЗЕЛЁНАЯ ВОЙНА

Братцы, вот я! — весело крикнул Репей, выглядывая из земли зелёной почкой. — Ух, как долго я спал!.. Здравствуйте, братцы!

Когда он посмотрел кругом, то понял, почему никто не откликнулся: он выглянул из земли почти пер-

вый. Только кое-где ещё начинали показываться зелёные ушки безымянной травки. Впрочем, у самого забора уже росла острая крапива, — эта жгучая дама являлась всегда раньше всех. Репей даже рассердился немного, что он опоздал.

— Вы что же молчите? — обратился он к Крапиве. — Кажется, я был вежлив...

— А что же мне говорить? — заворчала Крапива: она вечно была чем-нибудь недовольна. — Только выскочил из земли, и давай орать... Вот посмотрите, как себя умно ведёт Чертополох: растёт себе потихоньку.

— Ах, не говорите мне про Чертополох... Он молчит, потому что глуп. Да, очень глуп, бедняжка... Впрочем, я это так, к слову. Я знаю, Крапива, что вы давно равнодушны к этому колючему господину...

— Кажется, это не ваше дело, умный болтун! — отозвался выведенный из терпения Чертополох.

— Виноват, я к слову... Действительно, меня это несколько не касается. Да... А всё-таки я рад встретить старых знакомых. Помилуйте, сколько лет вместе растём у одного забора... Одним словом, соседи. Нет, я не сержусь на вас, Чертополох, хотя вы и могли бы быть повежливее. Впрочем, всё зависит от воспитания, и вы не виноваты, что не знаете первых правил приличия...

— Ну, пошёл молоть!.. — ворчал Чертополох. — Для чего только рождаются такие болтуны? Напрасно

землю занимают и другим мешают...

— Значит, по-вашему, я лишний? — обернулся Репей. — Я? Лишний? Ха-ха!.. Вот это недурно сказано! Желал бы я знать, кто украшает весь огород?.. Да, я украшаю, господа! Всем это известно и, кажется, не требует доказательств. Один рост чего стоит: а потом — какие листья!.. Должен признаться, что я по ошибке попал в ваше общество, то есть на задворки. Моё настоящее место где-нибудь в оранжерее... Скажите, пожалуйста, чем лучше все эти пальмы? Дайте-ка мне хорошую пищу, побольше света и тепла, так я бы их всех за пояс заткнул. Просто ко мне относятся несправедливо, и я вынужден скитаться под заборами... Да, люди несправедливы и сами виноваты, что не могут понять настоящей красоты...

— Да... особенно — ваших цветов прекрасных!.. Нечего сказать,

хороши цветы... Просто какие-то шишки! — ядовито заметила Крапива. — Вот у Чертополоха так цветы, а тут — колючие шишки.

Крапива и Репей частенько ссорились между собой, ссорились просто так, от нечего делать. Чертополох обыкновенно молчал и вступался только тогда, когда Репей очень уж начинал хвастать. Положим, и Крапива была хороша, — всех бы жалила; но что вы поделаете с женщиной, когда она желает сердиться?

А весна шла быстрыми шагами. Солнышко так и пригревало оттаявшую землю. Огород и задворки, заглушённые сухим бурьяном и сорной травой, начинали принимать весёлый вид, точно принаряжались к какому-то празднику. Везде показывалась светлая весенняя зелень, точно развёртывался дорогой бархатный ковёр... Поднималась молодая крапива, чертополох, репей, лебеда. Все эти сорные травы росли с необыкновенной быстротой, как будто стараясь перегнать друг друга. Скоро выглянул жёлтым глазком Одуванчик и крикнул:

— Здравствуйте, братцы!..

Одуванчик был славный малый, а главное, ни с кем не ссорился. Растёт себе и радуется. Его все любили, а особенно серебристая Лебеда, тоже скромная и безобидная травка. Они так и росли вместе, как брат с сестрой.

— Ты меня любишь, Лебеда? — шёпотом спрашивал Одуванчик вечером, складывая свой жёлтый цветочек.

— Ах, очень, очень люблю!.. — признавалась тоже шёпотом Лебеда, опуская свои зелёные листочки, точно посыпанные серебряной мукой. — Вы такой вежливый, Одуванчик, не то что Репей или Чертополох. А Крапивы я боюсь, — она такая злая. Я стараюсь всегда быть подальше от неё...

— Я тоже... Неприятная дама!.. Её даже коровы боятся и люди тоже. Так и вцепится...

Остались незаросшими только гряды, где взрытая земля так неприятно чернела. А какая там была отличная почва!.. Сорные травы всегда смотрели на неё с завистью. Вот бы где отлично было устроиться.

— Я не понимаю, почему мы должны жаться у заборов, — ворчал Репей. — На грядках земля такая мягкая, как пух, и потом так много солнца...

— А ты попробуй устроиться на гряде, — ехидно советовала Крапива.

— Устроиться не долго, да только из этого не выйдет толка... Хлопот много.

— Ты боишься хозяйки?

— Что мне её бояться? Я никого не боюсь. А только это несправедливо, что нас загнали к забору. Чем мы хуже других?

Пока гряды не были вскопаны, в огород заходила разная скотина. Впрочем, коровы не трогали сорной травы, а только пощипывали зелёную травку. Вот другое дело, когда забрался однажды козёл. Он прямо попал на Репей и съел у него целый лист.

— Ах, какой нахал! — ругался Репей. — Это наконец невежливо... погоди, вот я тебя осенью украшу всеми своими шишками... Будешь меня помнить, негодная тварь!

От козла досталось и бедному Одуванчику, и Лебеде: они тоже

недосчитались зелёных листьев. Он не тронул только Крапивы и Чертополоха.

— Благородное животное козёл!.. — ехидно уверяла всех Крапива. — Он никогда не затопчет... Не то что корова или лошадь.

Скоро земля совсем оттаяла, и в огород пришла хозяйка. Это была низенькая старушка в тёмном платочке. Огород для неё составлял главную статью

дохода: и сама сыта, да ещё на рынок столько овощу разного продаст. Посмотрела, посмотрела старушка кругом и говорит:

— Пора гряды копать...

А потом ещё посмотрела кругом, покачала головой и говорит:

— Откуда только берётся эта сорная трава?.. И когда успела вырасти?.. Ведь никому она не нужна...

Репей обиделся на старушку за всех товарищей.

— Вот тоже выдумала: никому не нужны!.. Это мы-то не нужны? Вот ты, старушонка, действительно никому не нужна, — и давно тебе пора помирать... И тебя не будет, а мы всё-таки будем расти. Вся разница в том, что будет у нас другая хозяйка, подорожее.

На другой день старушка опять явилась в огород и привела с собой внучку Машу.

— Стара я стала, внучка, одной не управиться, а твоё дело — молодое, в охотку поработаешь.

— Ничего, бабушка, поработаю. Да и какая это работа? Одно удовольствие...

Начали бабушка с внучкой гряды копать. Бабушка кряхтит, кряхтит, едва полгряды выкопает, а у внучки уже целая грядка готова.

— Ай да внучка! Ай да умница! — похваливает старушка. — И я прежде вот так же скоро всё делала, а теперь едва спину разогну...

А Маша только смеётся. Копает да ещё песни поёт. Не работа, а забава. Здоровая девушка, — в охотку поработать... Дней в пять всё было кончено. Посмотрела Маша на свою работу, полюбовалась и говорит:

— А что, бабушка, у тебя вот там место под забором даром пропадает? Вот бы малины посадить, да крыжовнику, да смородины... Очень уж я малину люблю, бабушка.

— Так, внучка, так, милая... и в самом деле, посадим-ка малинки, да смородинки, да крыжовнику. Которую ягоду сами съедим, а которую на базаре продадим... Я уж давно об этом сама подумывала, да всё как-то руки не доходили.

Обрадовалась старушка новой статье дохода, благо у внучки руки здоровые. Сказано — сделано. Накупила старушка у знакомого садовника и малины, и смородины, и крыжовника, и началась работа. Маша вдоль забора накопала ям и принялась рассаживать в них кусты. От этой работы больше всего досталось Крапиве.

— Что же это такое, — кричала она на весь огород, — этак и совсем житья не будет!.. Караул!..

В отчаянье она несколько раз пребольно ужалила белые руки бойкой внучки.

— Вот тебе, вот тебе, выдумщица!..

— Ах, проклятая крапива, как она больно жжётся!.. — жаловалась Маша, помахивая рукой.

— Я всех сожгу, — шипела Крапива.

— Откуда она только берётся! — удивилась опять старушка. — Ведь никто её, кажется, не садит...

Гораздо скорее начали расти все овощи после полотья.

— Ишь дармоеды!.. — ворчал Репей. — Небось своего ума не хватало, чтобы расти в готовой гряде. Эх вы, белоручки!..

— Молчи, мужик, — крикнул с гряды молодой Горох, начинавший завиваться около своей тычинки, — не твоё дело...

— А ты хвастун!.. погоди, вот тебя воробьи заклюют.

— Значит, сладко, если клюют... А вот тебя так никому не нужно.

— Оттого и не нужно, что я для себя расту, а ты для других стараешься.

Одним словом, что ни день, то новый спор. Нашла коса на камень, и хвастун попал на хвастуна.

На гряды теперь любо было посмотреть. Всё зеленело и быстро росло. И простоватая свёкла, и кокетливая морковка, и горькая редька, и капуста. Вся беда, что мало было кавалеров — все наперечёт: хвастун Горох да горький Лук. Впрочем, Лук понимал своё положение и старался расти поближе к Редьке, — такая же горечь, так уж вместе Бог велел расти.

— У меня все красавицы растут, — хвастался Горох. — А всех лучше морковка... Вот какие у неё листочки прорезные, точно зелёные кудельки. Так сами и выются...

Морковка делала вид, что не слышит этих похвал, и только всё краснела и краснела. И приятно, и стыдно. Конечно, верить Гороху нельзя; а всё-таки, когда так начинают хвалить прямо в глаза, невольно как-то хочется верить. Скромная морковка начинала про себя думать, что в самом деле она лучше всех, и ещё больше краснела. Вот другое дело Редька; толстеет себе, как купчиха, и ничего знать не хочет.

Споры часто заходили так далеко, чуть не до настоящей ссоры. Главными зачинщиками являлись Горох и Репей.

— Эй ты, мужик! — кричал обыкновенно Горох. — Никому-то тебя не нужно. Тебя даже и скотина не ест... Для чего ты растёшь?

— Для себя расту, — отвечал Репей с гордостью. — А что касается того, что я никому не нужен, так это ты весьма ошибаешься... Куда человек — туда и я; значит, и я на что-нибудь нужен. Тысячу вёрст чело-

век прошёл, и я за ним... Для меня всё равно — холод и жар: я неприхотлив. А ты — неженка. Тебя и садить нужно, и беречь, а я всё сам. Вот теперь и сообрази, что всё это значит...

— Моя хозяйка говорит, что ты никому не нужен.

— Мало ли что она скажет!.. Вот осень настанет, вот она и примется выбирать вас всех из гряды; а я-то останусь на том же месте. Вот тебе и не нужен... Тебя каждый козёл съест; а я так вцеплюсь в него, что не обрадуется. Всю бороду ему зацеплю, — не отдерёт потом. И Крапива тоже постоит за себя, и Чертополох... Мы уже все заодно живём. Без нас-то какой огород может быть?.. Да, подумай-ка своим умом... Ежели разобрать, так я гораздо поважнее тебя буду и постарше. Конечно, меня мало ценят, ну да это всё равно. Я мало обращаю внимания, что про меня говорят. Они своё говорят, а я своё делаю. Так-то, милый друг!.. Одним словом, жаль мне тебя, потому что ты чужим умом живёшь. Легкомысленный овощ, и больше ничего. До первого мороза тебе и жить.

— У всякого своя судьба, Репей. У тебя кожа толстая, — вот и не боишься мороза; а у меня листочки нежные, сам я тоненький... Одним словом, деликатное растение.

Так дело шло день за днём. Лето проходит быстро, — его вспоминают, когда оно пройдёт. Так было и тут. Гряды в огороде покрылись густой зеленью. Ка-

пуста разбухла до того, что верхние листья на ней лопались. Горох отцвёл и покрылся стручьями. Малина начала созревать, хотя на первый год ягод и немного было.

Внучка Маша, кажется, больше всего заботилась о ягодах. Нет-нет и заглянет в огород. То репку сорвёт, то спелую ягоду ущипнёт. Крапива и тут не унималась. С горя она нынче выросла большая-большая и не упускала случая обжечь прихотницу-внучку.

— У, гадкая! — ворчала девушка, пряча руки.

Скоро ягоды были обобраны, и очередь наступила овощам. Началось дело с гороха. Перерастёт — невкусный будет. Потом редьке и луку досталось. Потом дело дошло до свёклы и моркови. Старушка приходила каждое утро и вырывала созревшие овощи, чтобы снести их на базар.

— Что, дармоеды? — торжествовал Репей. — Пришла ваша пора... всех вас старушонка перетаскает на базар. Так вам и надо — не хвастайтесь... Погодите, вот ударит мороз, — всем конец.

И мороз ударил... Почернела ботва у картофеля, пожелтел горох, начали обваливаться засыхавшие листья. Пришла старушка вместе с внучкой и принялась за работу. Вместе они повыдергали весь картофель, морковь, репу и свёклу и целых два дня обрезывали ботву. Гряды приняли такой печальный вид, точно по ним прошёл неприятель. В бороздах валя-

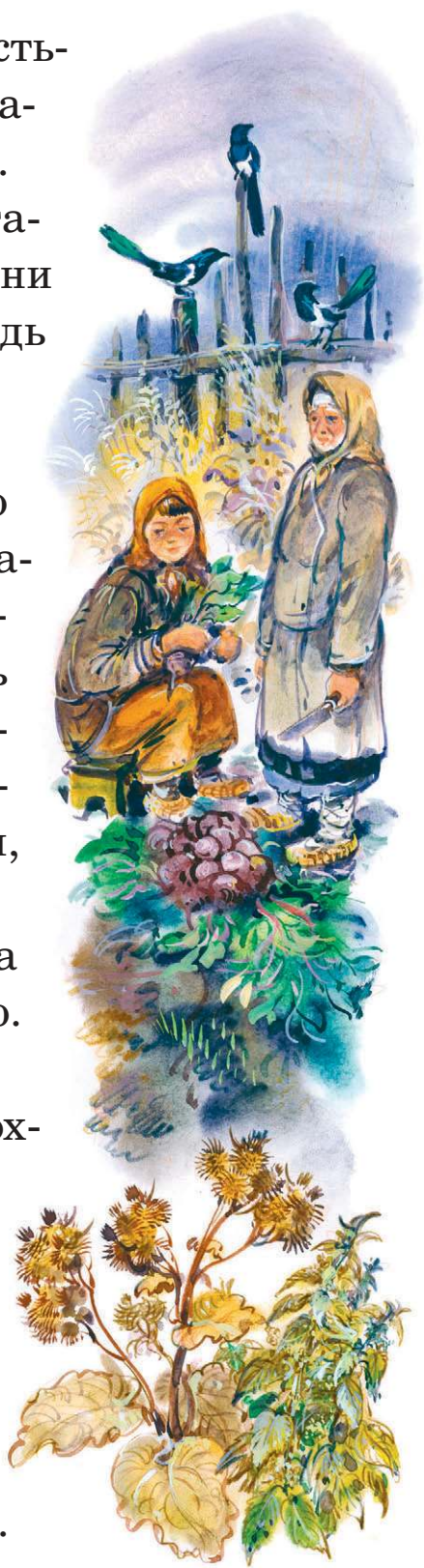

лись целые вороха обрезанных листьев, точно старое, изношенное платье, которое уже никому не нужно.

Дольше других на грядках оставались лук, редька да капуста. Они не боялись морозов. Но и их очередь наступила. Опять пришла старушка с внучкой, и гряды окончательно опустели. Тяжело было смотреть даже со стороны, как валялись под ножом тяжёлые зелёные головы капусты. Скоро весь огород был убран, и на грядках оставались одни кочерыжки от капусты, жалко торчавшие из земли, точно утиные шеи.

Полил дождь, загудел ветер, а потом первый мороз сковал землю. Жутко пришлось и сорной траве.

— Ну, кума, пора и нам отдохнуть, — сказал как-то Репей засыхавшей Крапиве. — Что же, пожили, покрасовались и на будущий год опять увидимся... До свидания, кума! Меня только одно утешает: всех этих дармоедов убрали от нас, — место очистили...

Крапива только жалобно стонала:

— Ух, как холодно!.. В самом деле, пора на покой. — Она даже сердиться не могла.

Чертополох всё лето промолчал и молча засох от первого инея.

БОГАЧ И ЕРЁМКА

Е

1

рёмка, сегодня будет пожива... — сказал старый Богач, прислушиваясь к завывавшему в трубе ветру. — Вон какая погода разыгралась.

Ерёмкой звали собаку, потому что она когда-то жила у охотника Ерёмы. Какой она была породы, — трудно сказать, хотя на обыкновенную деревенскую дворняжку и не походила. Высока на ногах, лобаста, морда острая, с большими глазами. Покойный Ерёма не любил её за то, что у пса одно ухо «торчало пнём», а другое висело, и потом за то, что хвост у неё был какой-то совсем необыкновенный — длинный, пушистый и болтавшийся между ног, как у волка. К Богачу она попала ещё щенком и потом оказалась необыкновенно умной.

— Ну, твоё счастье, — посмеивался Ерёма. — И шерсть у неё хороша, точно вот сейчас из лужи вылезла. Тоже и пёс уродился... Уж, видно, вам на роду написано вместе жить. Два сапога — пара.

Охотник Ерёма до известной степени был прав. Действительно, существовало какое-то неуловимое сходство между Богачом и Ерёмкой. Богач был высокого роста, сутуловат, с большой головой и длинными

руками и весь какой-то серый. Он всю жизнь прожил бобылём. В молодости был деревенским пастухом, а потом сделался сторожем. Последнее занятие ему нравилось больше всего. Летом и зимой он караулил сады и огороды. Чего же лучше: своя избушка, где всегда тепло; сыт, одет, и ещё кое-какая прибыль навёртывалась. Богач умел починить вёдра, ушаты, кадочки, мастерил бабам коромысла, плёл корзины и лапти, вырезывал из дерева ребятам игрушки. Одним словом, человек без работы не оставался и лучшего ничего не желал. Богачом его почему-то называли ещё с детства, и эта кличка осталась на всю жизнь.

Снежная буря разыгрывалась. Несколько дней уже стояли морозцы, а вчера оттепелело и начал падать мягкий снежок, который у охотников называется «порошей». Начинаяшую промерззать землю порошило молодым снежком. Поднявшийся к ночи ветер начал заметать канавы, ямы, ложбинки.

— Ну, Ерёмка, будет нам сегодня с тобой пожива... — повторил Богач, поглядывая в маленькое оконце своей сторожки.

Собака лежала на полу, положив голову меж передних лап, и в ответ слегка вильнула хвостом. Она понимала каждое слово своего хозяина и не говорила только потому, что не умела говорить.

Было уже часов девять вечера. Ветер то стихал, то поднимался с новой силой. Богач не торопясь начал одеваться. В такую погоду неприятно выходить из тёплой сторожки; но ничего не поделаешь, если уж такая служба. Богач считал себя чем-то вроде чиновника над всеми зверями, птицами и насекомыми, нападавшими на сады и огороды. Он воевал с капустным червём, с разными гусеницами, портившими фруктовые деревья, с воробьями, галками, скворцами, дроздами-рябинниками, с полевыми мышами, кротоми и зайцами. И земля и воздух были наполнены врагами, хотя большинство на зиму умирало или засыпало по своим норам и логовищам. Оставался только один враг, с которым прихо-

дилось Богачу воевать главным образом именно зимой. Это были зайцы...

— Как поглядеть — так один страх в ём, в зайце, — рассуждал Богач, продолжая одеваться. — А самый вредный зверь... Так, Ерёмка? И хитрый-прехитрый... А погодка-то как разгулялась: так и метёт. Это ему, косому, самое первое удовольствие...

Нахлобучив шапку из заячьего меха, Богач взял длинную палку и сунул за голенище валенок на всякий случай нож. Ерёмка сильно потягивался и зевал. Ему тоже не хотелось идти из тёплой избушки на холод.

Сторожка Богача стояла в углу громадного фруктового сада. Сейчас за садом начинался крутой спуск к реке, а за рекой синел небольшой лесок, где, главным образом, гнездились зайцы. Зимой зайцам нечего было есть, и они перебегали через реку к селению. Самым любимым местом для них были гумна, окружённые хлебными кладами. Здесь они кормились, подбирая упавшие со стогов колосья, а иногда забирались в самые клады, где для них было уж настоящее раздолье, хотя и не без опасности. Но всего больше нравилось зайцам полакомиться в фруктовых садах молодыми саженцами и побегами яблонь, слив и вишен. Ведь у них такая нежная и вкусная кора, не то что на осине или других деревьях. В один удачный набег зайцы портили иногда целый сад, несмотря на все предосторожности. Только один Богач умел с ними справляться,

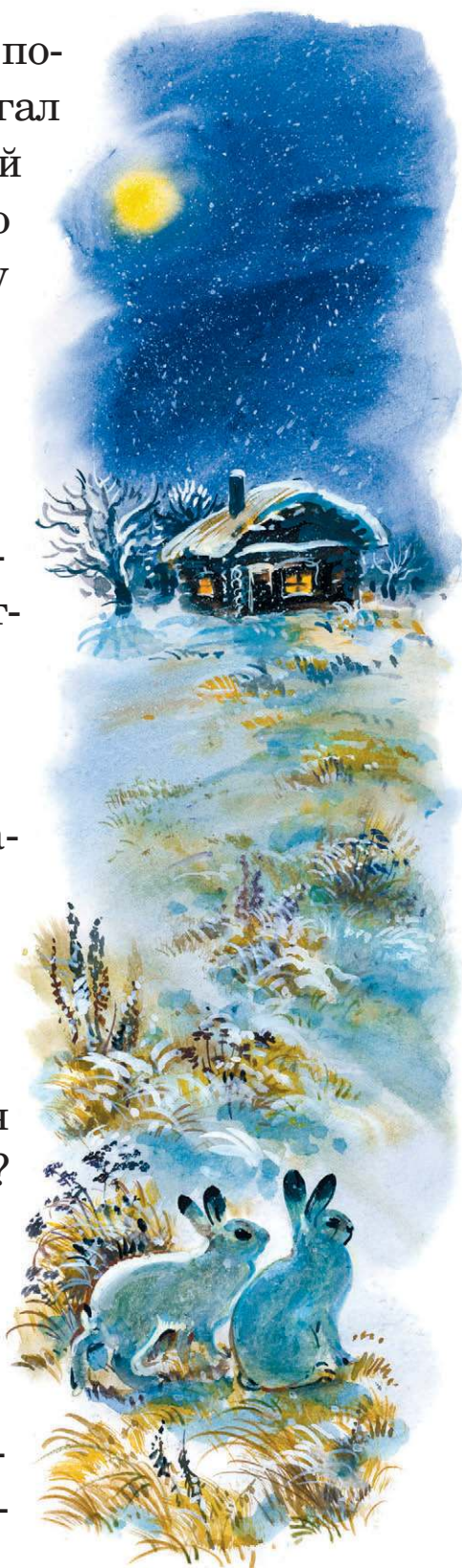

потому что отлично знал все их повадки и хитрости. Много помогал старику Ерёмка, издали чуявший врага. Кажется, уж на что тихо крадётся заяц по мягкому снегу в своих валенках, а Ерёмка лежит у себя в избушке и слышит. Вдвоём Богач и Ерёмка много ловили каждую зиму зайцев. Старик устраивал на них западни, капканы и разные хитрые петли, а Ерёмка брал прямо зубом.

Выйдя из избушки, Богач только покачал головой. Очень уж разыгралась погода и засыпала снегом все его ловушки.

— Видно, придётся тебе, Ерёмка, идти под гору, — говорил Богач смотревшей на него собаке. — Да, под гору... А я на тебя погоню зайцев. Понял? То-то... Я вот обойду по загуменьям да и шугну их на тебя.

Ерёмка в ответ только слабо взвизгнул. Ловить зайцев под горой было для него самым большим удовольствием. Дело проис-

ходило так. Зайцы, чтобы попасть на гумна, пробегали из-за реки и поднимались на гору. Обратный путь для них уже шёл под гору. А известно, что заяц лихо бежит в гору, а под гору, в случае опасности, скатывается кубарем. Ерёмка прятался под горой и ловил зайца именно в то время, когда заяц ничего не видел.

— Любишь зайчика-кубаря поймать? — дразнил собаку Богач. — Ну, ступай...

Ерёмка повилял хвостом и медленно пошёл к селению, чтобы оттуда уже спуститься под гору. Умная собака не хотела пересекать заячью тропу. Зайцы отлично понимали, что значат следы собачьих лап на их дороге.

— Экая погодка-то, подумаешь! — ворчал Богач, шагая по снегу в противоположную сторону, чтобы обойти гумна.

Ветер так и гулял, разметая кругом облака крутившегося снега. Даже дыхание захватывало. По пути Богач осмотрел несколько занесённых снегом ловушек и настороженных петель. Снег засыпал все его хитрости.

— Ишь ты, какая причина вышла, — ворчал старик, с трудом вытаскивая из снега ноги. — В такую непогоду и зайцы по своим логовищам лежат... Только вот голод-то не тётка: день полежит, другой полежит, а на третий и пойдёт промыслять себе пропитание. Он хоть и заяц, а брюхо-то — не зеркало...

Богач прошёл половину дороги и страшно устал. Даже в испарину бросило. Ежели бы не Ерёмка, который будет ждать его под горой, старик вернулся бы в свою избушку. Ну их, зайцев, куда не денутся. Можно и в другой раз охоту устроить. Вот только перед Ерёмкой совестно: обмани его один раз, а в другой он и сам не пойдёт. Пёс умный и прегордый, хоть и пёс. Как-то Богач побил его совсем напрасно, так тот потом едва помирился. Подожмёт свой волчий хвост, глазами моргает и как будто ничего не понимает, что ему русским языком говорят... Хоть прощения у него проси, — вот какой прегордый пёс. А теперь он уже залёг под горкой и ждёт зайцев.

Обойдя гумна, Богач начал «гон» зайцев. Он подходил к гумну и стучал палкой по столбам, хлопал в ладоши и как-то особенно фыркал, точно загнанная лошадь. В первых двух гумнах никого не было, а из третьего быстро мелькнули две заячьих тени.

— Ага, косая команда, не любишь!.. — торжествовал старик, продолжая свой обход.

И удивительное дело, — каждый раз одно и то же: уж, кажется, сколько зайцев придавил он с Ерёмкой, а всё та же заячья ухватка. Точно и зайцы-то одни и те же. Ну, побеги он, заяц, в поле, — и конец. Ищи его, как ветра в поле. Ан нет, он норovit непременно к себе домой, за реку, а там, под горой, его уж ждут Ерёмкины зубы...

Богач обошёл гумна и начал спускаться с горы к реке. Его удивило, что Ерёмка всегда выбегал к нему навстречу, а теперь стоял как-то виновато на одном месте и, очевидно, поджидал его.

— Ерёмка, да что ты делаешь?

Собака слабо взвизгнула. Перед ней на снегу лежал на спине молоденький зайчик и бессильно болтал лапками.

— Бери его!.. Кусь!.. — закричал Богач.

Ерёмка не двигался. Подбегав близко, Богач понял, в чём

дело: молоденький зайчонок лежал с перешибленной передней лапкой. Богач остановился, снял шапку и проговорил:

— Вот так штука, Ерёмка!..

— Ну и оказия!.. — удивлялся Богач, нагибаясь, чтобы получше рассмотреть беззащитного зайчишку. — Эк тебя угораздило, братец ты мой!.. а? И совсем ещё молоденький!..

Заяц лежал на спинке и, по-видимому, оставил всякую мысль о спасении. Богач ощупал перешибленную ногу и покачал головой.

— Вот оказия-то... Ерёмка, что мы с ним будем делать-то? Прирезать, што ли, чтобы понапрасну не маялся...

Но и прирезать было как-то жаль. Уж если Ерёмка не взял зубом калеку, посовестился, так ему, Богачу, и подавно совестно беззащитную тварь убивать. Другое дело, если бы он в ловушку попал, а то больной зайчишка, — и только.

Ерёмка смотрел на хозяина и вопросительно взвизгивал. Дескать, надо что-нибудь делать...

— Эге, мы вот что с ним сделаем, Ерёмка: возьмём его к себе в избушку... Куда он, хромой-то, де-

нется? Первый волк его съест...

Богач взял зайца на руки и пошёл в гору, Ерёмка шёл за ним, опустив хвост.

— Вот тебе и добыча... — ворчал старик. — Откроем с Ерёмкой заячий лазарет... Ах ты, оказия!..

Когда пришли в избу, Богач положил зайца на лавку и сделал перевязку сломанной лапки. Он, когда был пастухом, научился делать такие перевязки ягнятам. Ерёмка внимательно следил за работой хозяина, несколько раз подходил к зайцу, обнюхивал его и отходил.

— А ты его не пугай... — объяснял ему Богач. — Вот привыкнет, тогда и обнюхивай...

Больной зайчик лежал неподвижно, точно человек, который приготовился к смерти. Он был такой беленький и чистенький, только кончики ушей точно были выкрашены чёрной краской.

— А ведь надо его покормить, беднягу... — думал вслух Богач.

Но заяц упорно отказывался есть и пить.

— Это он со страху, — объяснял Богач. — Ужо завтра добуду ему свежей морковки да молочка.

В углу под лавкой Богач устроил зайцу из разного тряпья мягкое и тёплое гнездо и перенёс его туда.

— Ты у меня, Ерёмка, смотри, не пугай его... — уговаривал он собаку, грозя пальцем. — Понимаешь: хворый он...

Ерёмка вместо ответа подошёл к зайцу и лизнул его.

— Ну, вот так, Ерёмка... Значит, не будешь обижать? Так, так... Ведь ты у меня умный пёс, только вот сказать не умеешь. С нас будет и здоровых зайцев.

Ночью Богачу плохо спалось. Он всё прислушивался, не крадётся ли к зайцу Ерёмка. Хоть и умный пёс, а все-таки пёс, и полагаться на него нельзя. Как раз сцапает...

«Ах ты, оказия... — думал Богач, ворочаясь с боку на бок. — Уж, кажется, достаточно нагляделся на зайцев... не одну сотню их переколотил, а вот этого жаль. Совсем ведь глупый ещё... несмышлёныш...»

И во сне Богач видел загубленных им зайцев. Он даже просыпался и прислушивался к завывавшей буре. Ему казалось, что к избушке сбежались все убитые им зайцы, лопочут, на снегу кувыркаются,

стучат в дверь передними лапками... Старик не утерпел, слез с печи и выглянул из избушки. Никого нет, а только ветер гуляет по полю и гудит на все голоса.

— Ах ты, оказия!.. — ворчал старик, забираясь на тёплую печку.

Просыпался он, по-стариковски, ранним утром, затоплял печь и приставлял к огню какое-нибудь варёво — похлёбку, старых щец, кашку-размазню. Сегодня было как всегда. Заяц лежал в своём уголке неподвижно, точно мёртвый, и не притронулся к еде, как его Богач ни угощал.

— Ишь ты, какой важный барин, — корил его старик. — А ты вот попробуй кашки гречушной — лапка-то и срастётся. Право, глупый... У меня кашу-то и Ерёмка вот как уплетает, за ушами пищит.

Богач прибрал свою избушку, закусил и пошёл в деревню.

— Ты у меня смотри, Ерёмка, — наказывал он Ерёмке. — Я-то скоро вернусь, а ты зайца не пугай...

Пока старик ходил, Ерёмка не тронул зайца, а только съел у него всё угощение — корочки чёрного хлеба, кашу и молоко. В благодарность он лизнул зайца прямо в мордочку и принёс в награду из своего угла старую обглоданную кость. Ерёмка всегда голодал, даже когда ему случалось съесть какого-нибудь зайчонка. Когда Богач вернулся, он только покачал головой: какой хитрый зайчишка: когда

угощают, так и не смотрит, а когда ушли, — так всё дотла поел.

— Ну и лукавец! — удивлялся старик. — А я тебе гостинца принёс, косому плуту...

Он достал из-за пазухи несколько морковок, пару кочерыжек, репку и свёклу. Ерёмка лежал на своём месте как ни в чём не бывало, но когда он облизнулся, вспомнив съеденное у зайца угощение, Богач понял его коварство и принялся его журить:

— И не стыдно тебе, старому плуту... а?! Что, не едал ты каши? Ах, ненасытная утроба...

Когда старик увидел валявшуюся перед зайцем кость, он не мог удержаться от смеха. Вот так Ерёмка, тоже сумел угостить... Да не хитрый ли плутище!...

Заяц отдохнул за ночь и перестал бояться. Когда Богач дал ему морковку, он с жадностью её съел.

— Эге, брат, вот так-то лучше будет!.. Это, видно, не Ерёмкина голая кость... Будет чваниться-то. Ну-ка, ещё репку попробуй.

И репка была съедена с тем же аппетитом.

— Да ты у меня совсем молодец!.. — хвалил старик.

Когда совсем рассветало, в дверь послышался стук, и тоненький детский голосок проговорил:

— Дедушка, отвори... Смерть как замёрзла!..

Богач отворил тяжёлую дверь и впустил в избушку девочку лет семи. Она была в громадных валенках, в материнской кацавейке и закутана рваным платком.

— Ах, это ты, Ксюша... Здравствуй, птаха.

— Мамка послала тебе молочка... не тебе, а зайцу...

— Спасибо, красавица...

Он взял из покрасневших на морозе детских ручонok небольшую крынку молока и поставил её бережно на стол.

— Ну, вот мы и с праздником... А ты, Ксюша, прогрейся. Замёрзла?

— Студёно...

— Давай раздевайся. Гостья будешь... Зайчика пришла посмотреть?

— А то как же...

— Неужто не видала!

— Как не видать... Только я-то видела летних зайцев, когда они серые, а этот совсем белый у тебя.

Ксюша разделась. Это была самая обыкновенная деревенская белоголовая девочка, загорелая, с тоненькой шейкой, тоненькой косичкой и тоненькими ручками и ножками. Мать одевала её по-старинному — в сарафан. Оно и удобно, и дешевле. Чтобы согреться, Ксюша попрыгала на одной ноге, грела дыханием окоченевшие ручонки и только потом подошла к зайчику.

— Ах, какой хорошенький зайчик, дедушка... Беленький весь, а только ушки точно оторочены чёрным.

— Это уж по зиме все такие зайцы, беляки, бьют...

Девочка села около зайчика и погладила его по спинке.

— А что у него ножка завязана тряпочкой, дедушка?

— Сломана лапка, вот я и завязал её, чтобы все косточки срослись.

— Дедушка, а ему больно было?
— Известно, больно...
— Дедушка, а заживёт лапка?
— Заживёт, ежели он будет смирно лежать... Да он и лежит, не ворохнётся. Значит, умный!..
— Дедушка, а как его зовут?
— Зайца-то? Ну, заяц и есть заяц, — вот и всё название.

— Дедушка, то другие зайцы, которые здоровые в поле бегают, а этот хроменький... Вон у нас кошку Машкой зовут.

Богач задумался и с удивлением посмотрел на Ксюшу. Ведь совсем глупая девчонка, а ведь правду сказала.

— Ишь ты, какая птаха... — думал он вслух. — И в самом деле, надо как-нибудь назвать, а то зайцев-то много... Ну, Ксюша, так как его мы назовём... а?

— Чёрное Ушко...

— Верно!.. Ах ты, умница... Значит, ты ему будешь в том роде, как крёстная...

Весть о хромом зайце успела облететь всю деревню, и скоро около избышки Богача собралась целая толпа любопытных деревенских ребят.

— Дедушка, покажи зайчика! — просили.

Богач даже рассердился. Всех пустить зараз нельзя — не поместятся в избе, а по одному пускать — выстудят всю избу.

Старик вышел на крылечко и сказал:

— Невозможно мне показывать вам зайца, потому он хворый... Вот поправится, — тогда и приходите, а теперь ступайте домой.

Через две недели Чёрное Ушко совсем выздоровел. Молодые косточки скоро срастаются. Он уже никого не боялся и весело прыгал по всей избе. Особен-

но ему хотелось вырваться на волю, и он сторожил каждый раз, когда открывалась дверь.

— Нет, брат, мы тебя не пустим, — говорил ему Богач. — Чего тебе на холоде мёрзнуть да голодать?.. Живи с нами, а весной — с Богом, ступай в поле. Только нам с Ерёмкой не попадайся...

Ерёмка, очевидно, думал то же самое. Он ложился у самой двери, и когда Чёрное Ушко хотел перепрыгнуть через него, скалил свои белые зубы и рычал. Впрочем, заяц его совсем не боялся и даже заигрывал с ним. Богач смеялся до слёз над ними. Ерёмка растянется на полу во весь рост, закроет глаза, будто спит, а Чёрное Ушко начинает прыгать через него. Увлёкшись этой игрой, заяц иногда стучался головой о лавку и начинал по-заячьи плакать, как плачут на охоте смертельно раненные зайцы.

— И точно младенец, — удивлялся Богач. — По-ребячьи и плачет... Эй ты, Чёрное Ухо, ежели тебе своей головы не жаль, так пожалей хоть лавку. Она не виновата...

Эти увещания плохо действовали, и заяц не унимался. Ерёмка тоже увлекался игрой и начинал гоняться по избе за зайцем, раскрыв пасть и высунув язык. Но заяц ловко увёртывался от него.

— Что, брат Ерёмка, не можешь его догнать? — подсмеивался над собакой старик. — Где тебе, старому... Только лапы понапрасну отобьёшь.

Деревенские ребята частенько прибегали в избушку Богача, чтобы поиграть с зайчиком, и приносили ему что-нибудь из съестного. Кто тащит репку, кто морковку, кто свёклу или картошку.

Чёрное Ушко принимал эти дары с благодарностью и тут же их съедал с жадностью. Ухватит передними лапками морковку, припадёт к ней головой и быстро-быстро обгрызёт, точно обточит. Он отли-

чался большой прожорливостью, так что даже Богач удивлялся.

— И в которое место он ест такую прорву... Не велика скотинка, а всё бы ел, сколько ему ни дай.

Чаще других бывала Ксюша, которую деревенские ребята прозвали «заячьей крёстной». Чёрное Ушко отлично её знал, сам бежал к ней и любил спать у неё на коленях. Но он же и отплатил ей самой чёрной неблагодарностью. Раз, когда Ксюша уходила домой, Чёрное Ушко с быстротой молнии шмыгнул в двери около её ног — и был таков. Девочка горько расплакалась. Ерёмка сообразил, в чём дело, и бросился в погоню.

— Как же, ищи ветра в поле... — посмеялся над ним Богач. — Он похитрее тебя будет... А ты, Ксюшка, не реви.

Пусть его побегает, а потом сам вернётся. Куда ему деться?

— Наши деревенские собаки его разорвут, душка...

— Так он и побежал тебе в деревню... Он прямо махнул за реку, к своим. Так и так, мол, жив и здоров, имею собственную квартиру и содержание. Побегает, поиграет и назад придёт, когда есть захочет. А Ерёмка-то глупый, бросился его ловить... Ах, глупый пёс!..

«Заячья крёстная» всё-таки ушла домой со слезами, да и сам старый Богач мало верил тому, что говорил. И собаки по дороге могут разорвать, и у себя дома лучше покажется. А тут ещё Ерёмка вернулся домой, усталый, виноватый, с опущенным хвостом. Старому Богачу сделалось даже жутко, когда наступил вечер. А вдруг Чёрное Ушко не придёт... Ерёмка лёг у самой двери и прислушивался к каждому шороху. Он тоже ждал. Обыкновенно Богач разговаривал с собакой, а тут молчал. Они понимали друг друга без слов.

Наступил вечер. Богач засиделся за работой дольше обыкновенного. Когда он уже хотел ложиться спать на свою печь, Ерёмка радостно взвизгнул и бросился к двери.

— Ах, косой, вернулся из гостей домой...

Это был действительно он, Чёрное Ушко. С порога он прямо бросился к своей чашке и принялся пить молочко, потом съел кочерыжку и две морковки.

— Что, брат, в гостях-то плохо тебя угощали? — говорил Богач, улыбаясь. — Ах ты, бесстыдник, бесстыдник. И крёстную свою до слёз довёл.

Ерёмка всё время стоял около зайца и ласково помахивал хвостом. Когда Чёрное Ушко съел всё, что было в чашке, Ерёмка облизал ему морду и начал искать блох.

— Ах вы, озорники! — смеялся Богач, укладываюсь на печи. — Видно, правду пословица говорит: вместе тесно, а врозь скучно...

Ксюша прибежала на другое утро чем свет и долго целовала Чёрное Ушко.

— Ах ты, бегун скверный... — журила она его. — Вперёд не бегай, а то собаки разорвут. Слышишь, глупый? Дедушка, а ведь он всё понимает...

— Ещё бы не понимать, — согласился Богач, — не бойсь вот как знает, где его кормят...

После этого случая за Чёрным Ушком уже не следили. Пусть его убегает поиграть и побегать по снежку. На то он и заяц, чтобы бегать. Месяца через

два Чёрное Ушко совсем изменился: и вырос, и потолстел, и шерсть на нём начала лосниться. Он вообще доставлял много удовольствия своими шалостями и весёлым характером, и Богачу казалось, что и зима нынче как-то скорее прошла.

Одно только было нехорошо. Охота на зайцев давала Богачу порядочный заработок. За каждого зайца он получал по четвертаку, а это большие деньги для бедного человека. В зиму Богач убивал штук сто. А теперь выходило так, как будто и совестно губить глупых зайцев, совестно перед Чёрным Ушком. Вечером Богач и Ерёмка уходили на охоту крадучись и никогда не вносили в избу убитых зайцев, как прежде, а прятали их в сених. Даже Ерёмка это понимал, и когда в награду за охоту получал заячьи внутренности, то уносил их куда-нибудь подальше от сторожки и съедал потихоньку.

— Что, брат, совестно? — шутил над ним старик. — Оно, конечно, заяц — тварь вредная, озорная, а всё-таки оно того... Может, и в ём своя заячья душонка есть, так, плохонькая совсем душонка.

Зима прошла как-то особенно быстро. Наступил март. По утрам крыши обрастали блестящей бахромой из ледяных сосулек. Показались первые проталинки. Почки на деревьях начали бухнуть и наливаться. Прилетели первые грачи. Всё кругом обновлялось и готовилось к наступающему лету, как к празднику. Один

Чёрное Ушко был невесел. Он начал пропадать из дому всё чаще и чаще, похудел, перестал играть, а вернётся домой, наестся и целый день спит в своём гнезде под лавкой.

— Это он линяет, ну, вот ему и скучно, — объяснял Богач. — По весне-то зайцев не бьют по этому самому... Мясо у него тощее, шкурка как молью подбита. Одним словом, как есть ничего не стоит...

Действительно, Чёрное Ушко начал менять свою зимнюю белую шубку на летнюю, серую. Спинка сделалась уже серой, уши, лапки тоже, и только брюшко оставалось белым. Он любил выходить на солнышко и подолгу грелся на завалинке.

Раз прибежала Ксюша проведать своего крестника, но его не было дома уже целых три дня.

— Теперь ему и в лесу хорошо, вот и ушёл, пострел, — объяснял Богач пригорюнившейся девочке. — Теперь зайцы почку едят, ну а на проталинках и зелёную травку ущипнёт. Вот ему и любопытно...

— А я ему молочка принесла, дедушка...

— Ну, молочко мы и без него съедим...

Ерёмка вертелся около Ксюши и лаял на опустевшее под лавкой заячье гнездо.

— Это он тебе жалуется, — объяснял Богач. — Хотя и пёс, а всё-таки обидно... Всех нас обидел, пострел.

— Он недобрый, дедушка... — говорила Ксюша со слезами на глазах.

— Зачем недобрый? Просто заяц — и больше ничего. Лето погуляет, пока еда в лесу есть, а к зиме, когда нечего будет есть, и вернётся сам... Вот увидишь. Одним словом, заяц...

Чёрное Ушко пришёл ещё раз, но к самой сторожке не подошёл, а сел пеньком и смотрит издали. Ерёмка подбежал к нему, лизнул в морду, повизжал, точно приглашая в гости, но Чёрное Ушко не пошёл. Богач поманил его; но он оставался на своём месте и не двигался.

— Ах, пострел! — ворчал старик. — Ишь как сразу зазнался, косо́й...

IV

Прошла весна. Наступило лето. Чёрное Ушко не показывался. Богач даже рассердился на него.

— Ведь мог бы как-нибудь забежать на минутку... Кажется, не много дела и время найдётся.

Ксюша тоже сердилась. Ей было обидно, что она целую зиму так любила такого нехорошего зайца... Ерёмка молчал, но тоже был недоволен поведением недавнего приятеля.

Прошло и лето. Наступила осень. Начались заморозки. Перепадал первый мягкий, как пух, снежок. Чёрное Ушко не показывался.

— Придёт, косой... — утешал Богач Ерёмку. — Вот погоди: как занесёт всё снегом, нечего будет есть, ну и придёт. Верно тебе говорю...

Но выпал и первый снег, а Чёрное Ушко не показывался. Богачу сделалось даже скучно. Что же это, в самом деле: уж нынче и зайцу нельзя поверить, не то что людям...

Однажды утром Богач что-то мастерил около своей избушки, как вдруг слышался далёкий шум, а потом выстрелы. Ерёмка насторожился и жалобно взвизгнул.

— Батюшки, да ведь это охотники поехали стрелять зайцев! — проговорил Богач, прислушиваясь к выстрелам, доносившимся с того берега реки. — Так и есть... Ишь как запаливают... Ох, убьют они Чёрное Ушко! Непременно убьют...

Старик, как был, без шапки побежал к реке. Ерёмка летел впереди.

— Ох, убьют! — повторял старик, задыхаясь на ходу. — Опять стреляют...

С горы было всё видно. Около лесной заросли, где водились зайцы, стояли на известном расстоянии охотники, а из лесу на них гнали дичь загонщики. Вот затрещали деревянные трещотки, поднялся страшный гам и крик, и показались из заросли перепуганные, оторопелые зайцы. Захлопали ружейные выстрелы, и Богач закричал не своим голосом:

— Батюшки, погодите!! Убьёте моего зайца... Ой, батюшки!!

До охотников было далеко, и они ничего не могли слышать, но Богач продолжал кричать и махал руками. Когда он подбежал, загон уже кончился. Было убито около десятка зайцев.

— Батюшки, что вы делаете? — кричал Богач, подбегая к охотникам.

— Как, что? Видишь, зайцев стреляем.

— Да ведь в лесу-то мой собственный заяц живёт...

— Какой твой?

— Да так... Мой заяц — и больше ничего. Левая передняя лапка перешиблена... Чёрное Ушко...

Охотники засмеялись над сумасшедшим стариком, который умолял их не стрелять со слезами на глазах.

— Да нам твоего зайца совсем не надо, — пошутил кто-то. — Мы стреляем только своих...

— Ах, барин, барин, нехорошо... Даже вот как нехорошо...

Богач осмотрел всех убитых зайцев, но среди них Чёрного Ушка не было. Все были с целыми лапками.

Охотники посмеялись над стариком и пошли дальше по лесной опушке, чтобы начать следующий загон. Посмеялись над Богачом и загонщики, ребята-подростки, набранные из деревни, посмеялся и егерь Терентий, тоже знакомый мужик.

— Помутился немножко разумом наш Богач, — пошутил ещё Терентий. — Этак каждый начнёт разыскивать по лесу своего зайца...

Для Богача наступало время охоты на зайцев, но он всё откладывал. А вдруг в ловушку попадёт Чёрное Ушко? Пробовал он выходить по вечерам на гумна, где кормились зайцы, и ему казалось, что каждый пробежавший мимо заяц — Чёрное Ушко.

— Да ведь Ерёмка-то по запаху узнает его, на то он пёс... — решил он. — Надо попробовать...

Сказано — сделано. Раз, когда поднялась непогода, Богач отправился с Ерёмкой на охоту. Собака пошла под гору как-то неохотно и несколько раз оглядывалась на хозяина.

— Ступай, ступай, нечего лениться... — ворчал Богач.

Он обошёл гумна и погнал зайцев. Выскочило сразу штук десять.

«Ну, будет Ерёмке пожива...» — думал старик.

Но его удивил собачий вой. Это выл Ерёмка, сидя под горой на своём месте. Сначала Богач подумал,

что собака взбесилась, и только потом понял, в чём дело: Ерёмка не мог различить зайцев... Каждый заяц ему казался Чёрным Ушком. Сначала старик рассердился на глупого пса, а потом проговорил:

— А ведь правильно, Ерёмка, даром что глупый пёс... Верно, шабаш нам зайцев душить. Будет...

Богач пошёл к хозяину фруктового сада и отказался от своей службы.

— Не могу больше... — коротко объяснил он.

СОДЕРЖАНИЕ

Серая Шейка	3
Лесная сказка	24
Медведко	53
Приёмыш	65
Зелёная война	87
Богач и Ерёмка	105

Для младшего школьного возраста

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

РАССКАЗЫ СТАРОГО ОХОТНИКА

Художник

Виктор Васильевич Бастрыкин

Руководитель проекта *О.Г. Хинн*

Ведущий редактор *Н.В. Тегинко*

Художественный редактор *М.В. Григоренко*

Дизайн обложки *А.А. Кучерова*

Компьютерная верстка *М.В. Григоренко*

Корректор *Т.Г. Дмитриева*

ООО «ОЛИСС»

105120, Москва,

ул. Сергея Радонежского, д. 23—25, стр. 1.

Тел.: (495) 632-2729

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5.

Интернет/Home page — www.eksmo.ru

Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

Подписано в печать 02.10.2009. Формат 84x108¹/₁₆. Печать офсетная.

Бумага офсетная. Гарнитура «Школьная». Усл. печ. л. 14,28.

Доп. тираж 5000 Заказ №

ISBN 978-5-699-24809-4

9 785699 248094 >